

ВЕРА КАТША

ВЕТЕР И ВЕЧНОСТЬ

ТОМ ПЕРВЫЙ
ПРЕДВЕЩАЕТ ПОГОНЮ

Отблески Этерны

Вера Камша

**Ветер и вечность. Том
1. Предвещает погоню**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Ветер и вечность. Том 1. Предвещает погоню / В. В. Камша —
«Эксмо», 2021 — (Отблески Этерны)

ISBN 978-5-04-101943-3

«Худшее позади...» Как часто повторяют эти слова на излете смутных времен, войн, катастроф, эпидемий. Худшее позади, и отсидевшиеся в укромных местах принимаются строить планы на будущее, только эти планы отнюдь не всегда достойны и разумны. Худшее позади, и уцелевшие и дождавшиеся спешат жить и любить, только отнюдь не все беды, подвиги и потери остались в прошлом. Пусть не сейчас, а спустя Круг маяки вновь погаснут, и разогнавшийся ШАР СУДЕБ сметет все «с горами и небом, криком и тишиной». Чтобы этого не случилось, кому-то нужно шагнуть в неизвестность здесь и сейчас. Чтобы этого не случилось, вечная охота должна, как и прежде, гнать и гнать смерть. И все же худшее позади, а значит, можно навестить родовое гнездо, разгадать древнюю тайну, поучаствовать в мистерии, жениться в конце концов! Армии на зимних квартирах готовятся к будущим военным кампаниям, непростым, но, вне всякого сомнения, победоносным. В Старой Придде все сильнее бурлят политические и любовные страсти. Рокэ перебирает струны, Лионель совершенствуется в алатском, Селина выбирает драгоценности, Руперт пристраивает кошку, а Валентин с Арно пьют вино и считают лебедей. Скоро, уже совсем скоро весна. Что она предвещает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101943-3

© Камша В. В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вера Камша

Ветер и вечность. Том 1. Предвещает погоню

Иллюстрации на обложке *Оксаны Санжаровой*

Иллюстрация на форзаце *Анны Плис*

© Камша В. В., текст, 2021

© Толоконникова Е. В., стихи, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Автор благодарит за оказанную помощь

Евгения Баранова, Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Илону и Сергея Спилберг, Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба, Настасью Шибяеву.

* * *

*Многие назовут меня искателем приключений, и это так.
Но только я искатель приключений особого рода, из той
породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.
Может быть, я попытаюсь сделать это в последний раз.
Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически
исходит из расчета возможностей.
И если так случится, примите мое последнее объятие.
Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна*

* * *

*Не гадай, суждена ли с тобой нам дорога назад —
И с порога сумей остающимся вновь улыбнуться.
Запрети себе думать о смерти, шагая в Закат:
Просто верь, что она у нас будет — возможность вернуться.*

*Потому что прощаться навеки — оно не для нас,
Потому что есть те, кто нас ждет — и поклялся дожждаться...
Ставки, как никогда, на кону высоки в этот раз,
Только нет у нас права в бою нынче дрогнуть — и сдаться.*

*С легким сердцем отбрось то, с чем стало расстаться не жаль,
Но не рви тебя к жизни земной привязавшие нити...
...Снова пламя свечей отражает алатский хрусталь,
И срывается с губ, дорогих до озноба: «Живите!..»*

*И гитара звенит, и горчит на губах вкус вина...
Сколько было всего за плечами, что нас не сломало?
Слышишь? Вспомни об этом, вино допивая до дна,
Прежде чем разобьем мы с тобой на удачу бокалы.*

*Мы долюбим еще, досражаемся — и допоем...
...Там, за гранью, где с явью смыкаются морок и небыль,
Будут тропы, вперед уводящие — за окоем,
И в конце этих троп — моря блеск, а над тропами — небо.*

*Не развяжется то, что завяжем мы крепким узлом,
Пусть схлестнутся с бедой — это дело всегда непростое.
...И, пока не созреют каштаны в Осенний Излом
И рябин не зажгутся костры, хоронить нас не стоит...¹*

¹ Здесь и далее стихотворные эпиграфы Елены Толоконниковой (Красный Волк).

Пролог ЗИМНЕЕ ЗАТИШЬЕ

*Жизнь не является работой:
безостановочная работа
может свести с ума.
Шарль Андре Жозеф Мари де Голль*

Глава 1 Кипара. Урготелла

1 год К. Вм. 9–10-й день Зимних Ветров

1

Пегие от снежных пятен поля и облетевшие колючие изгороди прикидывались незнакомыми, а ведь мадокским трактом маршал Капрас уже проезжал. Минувшим, чтоб его, летечком. И река, нынче разжиревшая от дождей, и стерегущее поворот здоровенное дерево, и трактир, где стало известно о налете на мельницу, – это все уже было. Глаза узнавали, память подтверждала, но маршал отчего-то ощущал себя возникшим ниоткуда и едущим в никуда. После Белой усадьбы он себя чувствовал похоже. Тогда в съездившемся от безнадежности мире не осталось ничего, кроме ушей коня да полускрытой туманом спины рысющего впереди солдата, но из ставшего кошмаром имения они все же возвращались ночью.

– Помните? – тихо спросил державшийся рядом Агас. – Поворот на мельницу.

– Еще бы! – огрызнулся Карло и очнулся. – Каким очевидным тогда все казалось! Сейчас бы так...

Куда уж очевидней! Сдать захваченных мародеров местным властям и лететь к Паоне – присягать новому императору и вместе с ним ждать весны, готовясь дать бой язычникам. Уцелевших разбойников в самом деле сдали, как положено, но дальше все пошло вкривь и вкось. Злокозненные шайки множились, местные власти умоляли о защите, а Паона с каждым присланным циркуляром становилась непонятней и неприятней.

– Мой маршал, – забеспокоился Агас, – ведь вы же решили?

– Решил, – кратко подтвердил маршал и, прекращая разговор, дал Солнышку шенкеля. Увести корпус, тем самым лишив защиты две, если не три провинции, было немыслимо, но чувствовал себя Карло омерзительно. Нечто подобное испытывают совестливые женихи, готовясь разорвать помолвку с не ожидающей бегства невестой. Император тоже не ожидал, по-прежнему числя командующего некогда Малым, а ныне Славным Северорожденным корпусом усердным служакой и добрым подданным. В таковом качестве маршал Капрас регулярно получал рескрипты, и в них не содержалось ничего, требующего от совести немедленно сорвать перевязь. Кроме осеннего распоряжения о выявлении и преследовании кагетских пособников, главными из которых, как ни крути, выходили сам Карло и укрывший Гирени мирикийский епископ.

«Возмутительный и богохульный» Баата это тоже понимал, потому и предложил тайную встречу у Гидеона Горного. Капрас поехал и услышал, что любящий брат готов немедленно забрать родную кровь в Кагету; так готов, что Карло почти поверил в немыслимое родство.

Потерявший почти всю семью казар и впрямь мог счесть Гирени чудом спасшейся единокровной сестрой. Не имевший вовсе никакой родни маршал отдать обретенную на старости лет «сваю женщину» не мог, о чем и сказал. Казар возликовал и тут же дал согласие на брак, огорошив будущего зятя чудовищным приданым. Кагетская женитьба оборачивалась тысячами полновесных монет, сотнями коней, десятками драгоценных ожерелий и четырьмя рубиновыми венцами.

Золото Баата обещал прислать в условленное место еще до свадьбы, и лишним оно точно не было, но разрыв с Паоной из-за этого в глазах приличных людей оборачивался изменой, причем самой что ни на есть мерзкой. Бросить на произвол судьбы союзника, которого был послан защищать, а потом предать и собственного императора! Отсиживаться за чужими спинами, по сути захватив при этом три провинции. И если б только захватив – отправленный на север легат зверски убит, виновными же объявлены первый помощник погибшего и отставной стратег, с которым тоже успели расправиться. Ну и кто у нас выходит убийцей Прибожественного? Удодию ясно: дезертир и предатель Капрас!

Прежний Карло, обретайся он сейчас в столице, первым потребовал бы казни себя нынешнего. Если весной мориски возьмут верх, защитники Паоны, умирая, будут проклинать не язычников, не оказавшегося бессильным против багряноземельской чумы императора, а подлого изменника... Попробуй разгляди из большой войны войну малую, а та, будь все четырежды проклято, жрет не меньше, а может, и больше. На обычной войне, оказавшись в стороне от дорог, по которым шлются армии, выжить можно, а ты уцелел среди разбойничьих шаяк, когда любой затаивший обиду подонок рад вышибить ногой дверь и заживо содрать с тебя шкуру!

– Господин маршал, – прервавший невеселые мысли штабной адъютант был чуть ли не до самого носа заляпан желтоватой дорожной грязью. – Срочная депеша от господина доверенного куратора.

– Давай! – обрадовался хоть какой-то заботе Капрас. – Долго искал?

Оказалось, не искал вовсе. Бесценный Фурис не стал полагаться на удачу, а разослал людей по всем дорогам, на которых мог появиться маршал, не позабыв при этом о своей любимой секретности. Лучший способ не выдать тайны – ее не знать, и господин доверенный куратор вручил гонцам изложенную по всем правилам канцелярского искусства просьбу задержаться в должном образом охраняемом месте, куда будут срочно доставлены архиважные известия из главной квартиры.

– Смотри, – Карло ткнул рукой в сторону видневшейся сквозь сплетенные ветки крыши. – Это трактир, я в нем остановлюсь и буду ждать. Поехали, хоть согреешься.

Адъютант жалобно вздохнул и отказался. Фурис имел обыкновение выспрашивать об исполнении поручения во всех подробностях, а признаться бывшему писарю в вызванной удовлетворением жалких человеческих потребностей задержке не рискнул бы и сам Капрас, что уж говорить о едва знакомом с бритвой теньентике? Маршал проводил глазами удаляющуюся фигуру и с удовольствием двинулся навстречу подогретому вину и жареному мясу. Гадать о будущих новостях прежде времени он не собирался.

2

Слуги в коричневых с золотом ливреях распахнули двери, и Луиджи Джильди шагнул во влажное щебечущее благоухание. Одна из урготских герцогинь, вроде бы бабка Фомы, души не чаяла в диковинных растениях, и в Урготеллу принялись свозить всё, что удавалось найти. За августейшей фамилией потянулись приближенные, потом мода перекинулась на Бордон с Агарией, но герцогские оранжереи так и остались непревзойденными. Прижимистый, как любой прирожденный торгаш, Фома на цветочное наследство денег не жалел, что вынуждало запо-

дозреть некий малопонятный расчет. Вот расчет со скреплением союза Ургота и Фельпа был очевиден, причем новоиспеченное герцогство выгадывало заметно больше. Отец так и сказал, и Луиджи без лишних слов согласился, а что ему еще оставалось? Жениться наследнику трона рано или поздно пришлось бы, так почему не сейчас и не на дочери Фомы? Ее, по крайней мере, не было на вилле Бьетероццо.

Когда Луиджи теперь уже позапрошлой осенью болтался в Урготе, он был не более чем капитаном выкупленной Алвой галеры. Урготских наследниц будущий принц видел от силы пару раз, да и то издали. Старшая ходила в розовом и казалась выше и худее сестры, младшую одевали в голубое, видимо, из-за более светлых волос. Она и сейчас была в голубом, сидела у круглого бассейна, уткнувшись в книжку, хотя мраморная крошка под ногами гостя скрипела весьма красноречиво. Неписанные правила требовали простоять несколько минут, якобы любуясь будущей супругой, и Луиджи честно остановился. Он еще мог уйти, но бегства никто бы не понял, и первым – отец. Что ж, Юлия не хуже других, а лучшая в мире девушка почти два года как упокоилась в родовом склепе. Когда-нибудь герцог Луиджи доберется до Бордона и отнесет Поликсене белые венчальные маки. Если Фельп будет сильным, ему не откажут...

– Это вы? – свою роль в свадебной мистерии дочь Фомы помнила назубок.

– Да, сударыня, – покорно произнес Джильди, принуждая себя смотреть на свеженькое румяное личико. Девушку, менее похожую на Поликсену с ее оленьими глазами, нужно было еще поискать, и слава Создателю! – Ваш батюшка разрешил мне с вами переговорить.

– Тогда прошу вас сесть, – ручка с пока еще девическим браслетом указала на обитый шелком пуф. Принцесса расположилась на таком же, а между пуфами целомудренно втиснулся столик с фруктами и какой-то миской, кажется, из серебра.

– Простите, что прервал ваше уединение. – Свой долг он исполнит, а новой любви в его жизни не будет, да и решено уже все. – Вы ведь читали?

– Да, я люблю здесь читать, – Юлия тронула приколотый к груди мясистый цветок, с которым Луиджи после объяснения предстояло отправиться к Фоме. – Я предпочитаю стихи... Они позволяют прожить и прочувствовать то, чем мы обделены по воле рока.

– Вы совершенно правы, – согласился Луиджи. В поэзии он разбирался скверно, да и рассуждать о слащавой ерунде не хотелось совершенно. – Сударыня, ваш батюшка разрешил мне переговорить с вами.

– Да, сударь. Вы об этом уже сказали, разумеется, я вас выслушаю.

– Тогда я надеюсь, моя просьба не станет для вас неприятной неожиданностью. Фельп и Ургот – добрые союзники, и союз этот после устранения дуксии должен стать еще теснее. Наши отцы полагают, что правящим домам Ургота и Фельпа надо связать себя еще и родственными узами. Это и в самом деле необходимо, но вы еще и хороши собой, и умны. Фельп будет счастлив, если вы окажете ему честь и согласитесь стать моей супругой. Я надеюсь, вы полюбите наш великий город, и не сомневаюсь, что он полюбит вас.

Всё! Нужные слова сказаны, пути назад нет! Пухленькая девица опускает глазки, смотрит в воду. Журчит фонтан, в прозрачной воде шевелятся рыбы – оранжевые, белые и бело-рыжие, пегие... Щебечет морискилла, одуряюще пахнет цветами. Муцио просил руки Франчески на берегу моря, они были счастливы, пока не вмешалась смерть. Франческа помнила свою любовь недолго, но она женщина, а женское сердце не терпит холода и пустоты.

– Сударыня, умоляю вас ответить.

– Это так неожиданно... Папа мне говорил, но я не думала, что вы столь торопливы... До мистерии, до вечерних катаний по лагуне... Вы читали о Феличе и Асканио? Они надели свадебные туалеты и бросились в морские волны, взявшись за руки. Ревела буря, гремел гром, бушевали в дебрях вихри, это стихии оплакивали истинную страсть. Всю ночь.

– Да, сударыня, я об этом читал, – тут хочешь не хочешь, а врать приходится, – очень печально.

– Они друг друга любили, а мы с вами – нет. – Юлия зачерпнула из примеченной Луиджи миски что-то вроде серых крошек и швырнула в воду. Полусонные рыбины немедленно ожили и всплыли, они пихались и широко разевали круглые рты, они были отвратительны.

– Наши сердца нам не принадлежат, но и мы можем обрести счастье. – Ведь знал же, что с ломаками без выкрутасов не обойтись! Надо было начать с какой-нибудь сладкой чуши, короче бы вышло. – Вы прекрасны и умны, вас трудно не полюбить. Со временем... Мы будем гулять между гротами, придет весна, зацветут олеандры, нам никто не будет мешать. Весна – пора страсти, и она...

– Прекратите. – Юлия отправила в рыбы пасти еще одну пригоршню корма. – Я согласна стать вашей женой, но вы не станете требовать от меня любви, поскольку мое сердце навеки отдано другому. Я не уроню вашей чести и чести города Фельпа и подарю вам наследника. От вас я буду ждать того же.

– Да, – пробормотал Джильди, чудом не брякнув, что подарить наследника мужчина не может. – Вы – поразительная... девушка, сударыня.

– Я знаю, что такое любовь, – в бурлящую от разинутых ртов воду полетела следующая подачка. – Вы же этого не знаете и не узнаете никогда. Мужчины редко способны любить, их сердца полны жестокости и похоти. Я возьму с собой секретаря, камеристок и нескольких музыкантов, но фрейлин наберу в Фельпе. С прошлым я порву, хотя из души его не вырвать, оно будет терзать меня вечно.

– Я вас понял, сударыня. Разумеется, я принимаю ваше условие. – Вот и прекрасно, лучше просто быть не может, но какая же она дура! Правда, найти мерзавца придется. Хорошо бы красавчик оказался не из гайифских прихвостней, тогда его довольно держать подальше от Фельпа. – Но я должен знать... кому вы отдали свое сердце. Поверьте, я бы не осмелился коснуться вашей раны, однако великая герцогиня Фельпа не может... любить его врага.

– А я и не люблю, – миска опустела, но рыбы внизу этого еще не поняли и продолжали кишеть. – Мое сердце принадлежит спасителю Фельпа, и мой сын будет назван в его честь. Таково мое второе условие.

– Так вы любите...

– Не произносите это имя, – потребовала толстушка с рыбьей миской. – Я ответила на ваш вопрос, и довольно. Можете идти к отцу и передать ему... что Юлия Урготская исполнит родительскую волю и прощает его и сестру. Возьмите этот анемон. Он жжет мне руку.

– Анемон? – удивился Джильди, который точно знал, что анемоны не жгутся и шипов у них нет.

– Голубой анемон – тень несбывшегося счастья. Он подобен сломанному крылу любви, оплаканному облаками. Ступайте, позвольте мне побыть одной.

– Да, сударыня, – Джильди торопливо схватил цветок, чей стебель был предусмотрительно вставлен в маленькую бутылочку. – Поверьте, мы еще будем счастливы.

– Это невозможно, – отрезала теперь уже невеста. – Мужчина способен жить без любви, но я создана для любви, я люблю и буду оплакивать свою любовь вечно. Всякий раз, когда будет звучать кэналлийская гитара и дуть ветер с запада, мое сердце станет истекать кровью. Но вы этого не заметите, этого никто не заметит. Идите же!

– Да-да...

Из оранжереи Луиджи выскочил куда быстрее, чем положено счастливому жениху. К счастью, в прилегающих залах посторонних не болталось, только стража и слуги. Капитан Джильди перехватил цветок так, чтобы не было видно бутылочки, и отправился сообщать о полученном согласии. Сюрпризов беседа с будущим тестем не сулила, поскольку приданое, церемонию бракосочетания и предшествующие отъезду молодых в Фельп увеселения Фома уже обсудил с загодя приехавшей Франческой. Не испытывавший ни малейшего желания препираться из-за всяческих супниц Луиджи с радостью спихнул торговлю на вдову Муцио, и зря!

Серьезный разговор заставил бы думать об интересах Фельпа, а не о дурацких признаниях. На душе было мерзко, хотя чего удивляться, что начитавшаяся сонетов пышка влюбилась в Ворона? Клелия на нем еще не так висела, и кондиции те же... *«Со мной у тебя будет, как ни с кем...»* Тьфу ты, пакость!

Пакостью была давнишняя ночь с пантерками, завершившаяся то ли бредом, то ли визи- том нечисти. Пакостью были сегодняшний разговор и будущая свадьба. Конечно, Алву никто не затмит, даже Савиньяк, а влюбленная в кэналлийца герцогиня не станет размениваться на всякую мелочь, но жить с женщиной, которая тебя каждый день станет сравнивать... Да еще об этом говорить, а говорить Юлия будет! И потом она, чего доброго, разведет рыб и примется их кормить.

3

Обещанные новости подгадали точно к обеду, и привез их не штабной адъютант, а Пьетро. Капраса это не удивило – смиренный брат пользовался у Фуриса полным доверием.

– Рад видеть, – сказал чистейшую правду маршал. – Присоединяйтесь, только что подали.

– Благодарю, – врач-послушник предпочитал разъезжать по дорогам в военном платье, но что-то неуловимое выдавало в нем если не клирика, то человека, чуждого мирской суеты, что ли. Карло это нравилось. – Господин доверенный куратор просил передать вам письмо и уточнить кое-что на словах.

– Давайте письмо, – распорядился командующий, – и берите ложку. По такой погоде поститься глупо.

– Мое служение не требует постов, – смиренный брат невозмутимо разломил сырную лепешку, – к тому же святой Адриан чрезмерное утеснение плоти не одобрял.

– И правильно делал, – обрадовался маршал. – Не зря его в армии почитают больше других.

– В армиях, – уточнил Пьетро. – Святого Оноре печалило, что люди убивают друг друга, вознося одни и те же молитвы, но это началось не с нас и не на нас кончится.

– Еще бы! – Бывают же клирики, с которыми легко, а бывает вроде и свой брат вояка, от которого взвоешь... Непривычно философская мысль мелькнула и пропала, нужно было заниматься письмом, и Карло занялся. На главной квартире все шло неплохо: «немногочисленные случаи одержимости в частях Славного Северорожденного корпуса за истекшее время были выявлены и сразу же пресечены, не причинив ощутимого вреда, о чем составлены соответствующие рапорты», так что «наиболее подходящие для сего части готовы незамедлительно приступить к уничтожению отрядов возмутительного самозванца и дезертира Анастаса». Сюрприз Фурис приберег на самый конец, с непривычной краткостью сообщив о прибытии для беседы с командующим нового Прибожественного сервиллионика.

– Начнем с Прибожественного, – маршал сунул письмо назад, в футляр. – Что-то о нем сказать можете? Только от похлебки не отрывайтесь – остынет.

– Спасибо, – и не подумал цепляться за приличия Пьетро. – Сведения о новом легате, которые удалось получить епископу Мирикийскому, неутешительны. Сервиллионик Филандр, в прошлом Филандр Экзархидис, принял должность одним из первых и успел проявить себя как склонный к мучительству головорез, однако при этом, или же благодаря этому, пользуется расположением императора. Из партикулярных гвардейцев², был приписан к Военной коллегии, затем принял участие в ее разгроме. Формально семьи у сервиллионика нет и быть не может, однако его бывшие родные весьма примечательны. Старший брат, Аргир Экзархи-

² Партикулярный гвардеец – гвардеец, совмещающий военную службу с партикулярной в одной из великих коллегий, главным образом Военной, Фискальной или Дипломатической.

дис – молниеразящий гонитель высшего ранга, а дед по матери до высадки морисков владел в Неванте крупнейшими верфями, Ламброс должен о нем знать.

– Вы-то сами этого Филандра видели? – Источники у епископа, надо думать, орденские, а в Милосердии императора и его соратников, мягко говоря, недолюбливают.

– Да, я его видел. – Пьетро поднял голову от миски и теперь смотрел Карло в глаза. Прямо и спокойно смотрел. – Новый легат показался мне высокомерным и достаточно неприятным, на гвардейца, если взять за образец Лидаса и Агаса, он не похож, но, что гораздо важнее, я почти уверен в его одержимости.

– Бацута! – Одержимость – это вам не споры о сути Божественного! – Постой... Для проявления гадам ведь разозлиться нужно. Сервиллионику что, Микис ногу отдал?

– Причиной непреходящей злобы легата стал Анастас, – смиренный брат вновь принялся за обед. – Филандр прибыл в провинцию в сопровождении пяти доверенных лиц и двух сотен легких кавалеристов. Он сразу же направился в Кирку, собираясь объединить свои силы с силами своего предшественника. Подробности встречи Филандра и Анастаса неизвестны, но я бы предположил крупную ссору, не перешедшую в открытую стычку лишь по причине примерного равенства сил. Из Кирки легат отправился во временную ставку Фуриса, по дороге казнив нескольких случайных человек, отнюдь не мародеров. Это распалило его еще сильнее.

– У нас хоть все благополучно?

– Да. Господин Фурис остановил ярость легата единственным приемлемым способом.

– В бумагах утопил? – невольно хмыкнул командующий. – С него станется.

– Да, и это оказалось весьма действенным. Кроме того, легат по достоинству оценил сноровку Микиса и его умение выводить пятна с одежды. Я очень надеюсь, что до вашего прибытия никаких неожиданностей не произойдет, хотя лучше бы вам поторопиться. Господин доверенный куратор делает все, что в его силах, но полностью исключить возможность крупной ссоры наших людей с сопровождением Филандра невозможно.

– На кого они, кстати, похожи?

– На уже известных вам подручных Турагиса и Анастаса. Те же показная грозность и спесь, правда, свита нового сервиллионика заметно лучше экипирована и одета в платье нового образца. Ярко-оранжевое с черным, оно очень приметно.

– Намекаете, что, если дойдет до драки, оранжевые мундиры изрядно облегчат жизнь стрелкам? Пожалуй... А, к кошкам, сперва в любом случае расплатимся за Лидаса, но планы менять придется. Для выманивания Анастаса из Кирки приказ легата или паонский рескрипт теперь не годятся. С другой стороны, защищать эту банду сервиллионик не будет... Ведь не будет?

Глава 2

Старая Придда. Урготелла. Вержетта Акона

1 год К. Вм. 12-й день Зимних Ветров

1

Двери в кабинет были доверчиво распахнуты, так доверчиво, что ни один стервозник не смог бы подслушать, о чем говорят в эркере. Да и что за тайны могут быть меж блестящим кавалером и немолодой вдовой? Визит вежливости, не более того.

– В этом есть что-то извращенное, – признался Марсель, глядя на женщину, бывшую вечным материнным кошмаром. – Вы угощаете меня сырами из Валмона, и мне придется это объяснять отцу.

– А надо ли? – уточнила графиня Савиньяк. – Никогда не считала чрезмерную обстоятельность достоинством.

– Надо! – твердо сказал Валме. – Хотя бы потому, что выражение лица Проэмперадора Юга будет невыразимым. Да, сударыня, это игра слов.

– Я оценила, – заверила сударыня. – Меня не удивляет, что вы сблизились с Рокэ, но почему вы еще раньше не спелись с Лионелем?

– Он был занят, мне такое никогда не нравилось. Если вы думаете, что я полюбил войны и дворцы, то ошибаетесь.

– Однако вы воюете и посольствуете.

– Я втянулся, – вздохнул наследник Валмонов, – но началось все, как тогда казалось, с безобидного развлечения. Сближение с Алвой на первый взгляд сулило прекрасное времяпрепровождение, а вот будущий Примпердор Северо-Запада, надеюсь, вы мне простите варастииское произношение, не мог предложить ничего захватывающего. В нем не ощущалось роковой пресыщенности, он даже опасным не казался, дуэли не в счет, ведь Лионель дрался главным образом из-за вас. Я же, будучи сыном своего отца, не мог сказать про графиню Савиньяк хоть одно дурное слово и остаться после этого живым и не проклятым.

– Действительно, – вежливо согласилась означенная графиня. – Но сейчас положение несколько изменилось. Если для пользы дела вам понадобится что-то обо мне сказать, не стесняйтесь, только поставьте меня в известность.

– Это сопоставимо с угощением папенькиными сырами. Сударыня, я в самом деле явился с корыстной целью, но, если так можно выразиться, противоположного характера. Речь идет о его высокопреосвященстве и ее высокопреосвященстве, вернее, об их спешном отъезде в Олларианскую академию. Однако мне бы не хотелось повторяться, ведь вы наверняка что-то знаете и о чем-то думали.

– Таково мое обычное состояние, – не стала запираяться собеседница. – С супругой Бонифация я все еще незнакома, но ее отъезд легко объясняется присутствием в Старой Придде маркизы Фукиано.

– Возможны и другие толкования. Обратите внимание, я перехожу к основной цели своего визита. Их высокопреосвященства будут вам весьма обязаны, если до увлеченных, гм, политической дам дойдут некие слухи.

Марсель как мог многозначительно отправил в рот оливку. Собеседница слегка передвинула ложечку, давая понять, что ждет продолжения, и виконт продолжил.

– Мы как-то привыкли, – посетовал он, – что герцог Ноймаринен – запасной регент и примпердор, а вот ее высокопреосвященства сразу заметила, что он *маршал*. Поверьте, она очень наблюдательна и предпочитает верить собственным глазам.

– Полезное свойство, хотя порой оно вступает в противоречие с общим мнением и... – графиня тоже угостилась оливкой, – и некоторыми умозаключениями.

– Именно это я и хотел сказать. – Виконт как мог изящно развел руками, которыми следовало немедленно заняться: небрежно остриженные ногти годились для бастионов и лодок, но не для посления. – Чтобы успешно умозаключать, нужно от чего-то оттолкнуться. В случае отсутствия берега приходится отталкиваться от бревен. Правда, бревна порой нападают.

– Порой нападают даже *Рожи*, – папенькина грёза отодвинула чашечку. – Я знаю, что вы с ними не в ладах, но была бы признательна за возобновление знакомства.

– С Рожей?! Хорошо, я возобновлю.

Ныне обитавшая в гайифской шкатулке маска тупо уставилась на горящие свечи. На первый взгляд она ничуть не изменилась, Валме сделал над собой усилие и взял золотую пакость в руку. Она была тяжелой, холодной и... и всё!

– А знаете, – сообщил виконт в ответ на пытающийся быть спокойным взгляд, – она издохла. По-моему, это просто прекрасно.

Графиня чуть улыбнулась. Восхитительная женщина, и такие странные сыновья, особенно Эмиль... То, что белокурое герою захотелось жениться на Франческе, не удивляет, но зарыться в войну и не писать?!

– Сударыня, – от возмущения Марсель чудом не сунул Рожу в вазу с соленым печеньем, – вы часто получаете письма от сыновей?

– Я чего-то о них не знаю?

– Скорее мне изменяет посольскость. Понимаете, она лучше всего проявляется в обществе людей не самых приятных и не самых умных. Алва считает это благословением великого Бакры, причем снизошло оно незаметно. Это могло произойти, когда мне открылось имя моего козла, но до конца я не уверен.

– Что ж, раз вам изменила посольскость, ведите себя как военный.

– Благодарю. – С графиней Савиньяк Валме, само собой, разговаривал и прежде, но это было не то! – Очень может быть, что нам с Готти предстоит встретить старость среди урготских дождей. Баата на моем месте дал бы понять, что он не жалуется, но наши фамильные ресницы оставляют желать лучшего. Подозреваю, именно поэтому у меня нет сестер – отец просто не мог себе такого позволить.

– Я читала письма принцессы Елены, – графиня вновь взялась за чашечку. – Робер Эпинэ был тронут до глубины души и собирался вернуть их *девочке*. Очень грустная история.

– Душераздирающая. К счастью, она в прошлом, и я надеюсь, ее высочество в конце концов обретет то или иное счастье. Сейчас же ее чувства все еще обострены, и она обеспокоена душевным состоянием госпожи Скварца, которая гостит в Урготе. Эта дама потеряла горячо любимого супруга и отчаянно нуждается в поддержке жениха, но он, увы, воюет и не склонен к эпистолярному жанру.

– Его младший брат тоже был не склонен, – задумчиво произнесла собеседница. – Тем не менее по возвращении от дриков он написал мне подробное письмо. Видите ли, Лионель запретил своим «фульгатам» выпускать Арно из дома прежде, чем тот закончит послание.

– Это действительно! – восхитился Марсель. – Но, может быть, вам удастся воззвать к совести графа Лэкдеми? Госпожа Скварца вряд ли будет рада, узнав, что регент Талига запер командующего армией в чулане.

– Пожалуй... – Этой женщине как-то удавалось одновременно пить шадди и блуждать в неких туманах. – Но скрепленные совестью союзы мне не нравятся, для этого я была слишком счастлива в браке.

– Вы правы. – Бедная маменька... и еще более бедный папенька! – Особенно если совесть замешивают на слезах.

2

Проклятые рыбы смиренно лежали на дне, чуть шевеля плавниками, зато морискиллы над-рывались всюю; похоже, в их щебете не было ни малейшей корысти, только лучше бы они заткнулись!

– Не стоит беситься, – Франческа поправила выбившуюся из-под сетки прядь, – это самый верный способ сделать неприятное невыносимым. Сядем.

– Только не здесь! – фыркнул Джильди и торопливо объяснил: – Я тут объяснялся, а Юлия кормила этих тварей. Видела бы ты, как они жрали!

– Я видела, – утешила вдова Муцио, оглябая столик с рыбьей миской. – Зимний сад – любимое место Юлии; она считает, что ей идет пребывать среди деревьев и журчащих струй. Тебе придется устроить в Фельпе нечто сопоставимое.

– Зачем? Это в Урготе полгода льет, а у нас зимой гулять приятней, чем летом, и сад бабка разбила вполне приличный. Добавим, раз уж в герцоги угодили, ваз со статуями, и хватит.

– Ты ошибаешься. Вам с Юлией для счастливого брака нужен зимний сад и вдосталь музыкантов и поэтов. Если подойти к делу разумно, выйдет не столь уж и дорого.

– Франческа, – хорошо, что в Урготелле хоть с кем-то можно не кривить душой, – ты же понимаешь, что счастлив я никогда не буду. Да, я согласился на эту... Юлию ради отца и Фельпы, и я, само собой, женюсь...

– Рану можно перевязать, – женщина остановилась, будто перед ней натянули веревку, – а можно приложить к ней чеснок, чем ты и занимаешься. Пойми, это глупо.

– Я понимаю... свою рану ты перевязала, и она зажила. Не думай, я желаю тебе счастья с Савиньяком.

– Да, – кивнула сразу и вдова, и невеста. – Я хочу быть счастливой, и я буду счастлива. После письма, которое мне наконец-то написал граф Лэкдеми, я в этом уверена, но речь о тебе и Юлии. Меня подобные женщины удручают, но ни одна молоденькая жена не заслуживает страдающего от вымышленного горя мужа.

– Зачем? – слегка растерялся Джильди. – Зачем ты... Если ты, конечно, не хочешь ссоры! Я знаю, ты была влюблена в Муцио, иначе бы никогда не вышла за моряка, но сейчас мой друг забыт. Тебе неприятно, что я храню верность Поликсене?

– Ты хранишь верность своим грезам. – Теперь она повернулась и, не оглядываясь, пошла вымощенной мраморными плитками дорожкой. Пришлось догонять, отводя от лица что-то перистое, будто укроп разросся.

– Грезам? Ты называешь это грезами?!

– Я вежлива, иначе выбрала бы другое слово. С Поликсеной ты ни разу не говорил, вот и натянул на нее свои фантазии, как портнихи натягивают платье на манекен. А он ожил, будто в кошмарном сне.

Луиджи, пойми наконец, я не забыла Муцио и никогда не забуду, но наша любовь была настоящей. Муцио умер, я живу и буду жить дальше, помнить хорошее и жить; ты же влез в траурный мешок и свою любовь не увидишь, даже если она окажется рядом. Юлия тоже живет в мешке, но он у нее хотя бы ажурный и с бантами.

– О да! – Сказать? Почему бы и нет? Секрет этой дуры знают все, от Фомы до здешнего «укропа»! – Юлия, знаешь ли, любит Алву и требует не ждать от нее ничего, кроме исполнения долга!

– Так почему ты не рад? – В устах мужчины подобное удивление – приглашение к вызову. – Это же невероятная удача! Разумеется, если ты не лжешь, нет, не мне и не своим приятелям, а себе.

– Тут ты права, с влюбленной в Ворона куклой мне будет проще, только это... униЗИтельно и для меня, и для Фельпа. – Это Франческа поймет, Гампана есть Гампана. В политике первые, в торговле – вторые, но чувства не про них! – Юлия глупа, я об этом слышал и раньше, а теперь убедился. Глупа и болтлива, она примется объяснять всем, что вышла за меня по приказу отца, а сама страдает.

– Ты делаешь ровно то же.

– Ты сравниваешь?! Меня и... О моем горе знают только близкие, а что на уме у Юлии, известно даже этим кошачьим рыбам!

– Это как раз не страшно, – Франческа чуть улыбнулась, Муцио обожал эту ее улыбку, а она выходит замуж за талигойского маршала. – Рыбы молчаливы, а вот Дерра-Пьяве – не слишком. Ты ревнуешь к Ворону?

– Да нет же! Пусть любит хоть Валме, хоть Савиньяка, только молча! Почему я должен это знать? Что за дурацкие условия, можно подумать, мне нужно ее сердце!

– Ну так его тебе и не предлагают. Ты предпочел бы, чтобы жена донимала тебя своей любовью и рыдала от твоей холодности?

– Я предпочел бы, чтоб она молчала и чтобы у нее в голове было хоть что-нибудь! Моя жена не должна опозорить ни нас с отцом, ни Фельп.

– Твое счастье, Луиджи, что я за тебя замуж не выйду. – Франческа привстала на цыпочки и отлумила темно-красный бутон; оказывается, это перистое умело цвести! – Ни одна женщина, у которой в голове есть хоть что-то, не выйдет за тебя без острой на то необходимости.

– И прекрасно!

– Для тебя – несомненно. Умная жена, мой милый, либо будет тобой вертеть, возможно, еще и изменяя, либо отравит. Я бы отравила.

– Пусть об этом болит голова у Савиньяка!

– Зачем? – женщина поднесла сорванный цветок к губам. – Эмиль меня любит так же, как любил Муцио. И тоже боится покоя, того, что мы привыкнем друг к другу и пламя погаснет. К счастью, моряки и маршалы уходят и возвращаются, этого довольно, чтобы сердце горело и не сгорало. Нет, я не стану травить человека, которого люблю и который от меня ничего не скрывает.

– Рад за вас. – Пора прекращать эти излияния! – На свадьбу тебя ждать?

– Скорее всего. Имей в виду, если к осени не случится ничего по-настоящему неожиданного, на свадьбе будет и регент Талига. Все, и в первую очередь мориски, должны увидеть, что Рокэ Алва – друг Фельпа и Ургота. Постарайся вести себя прилично.

– Толкуй это Юлии. Жениться на девице, которая прилюдно бросится на шею хоть бы и регенту Талига, я не смогу.

– Она не бросится, по крайней мере – прилюдно, а вот ты наверняка будешь с ним пить и рискуешь выставить себя не лучшим образом. Насколько я понимаю Алву, ему ревнивы не по душе.

– Ты хочешь сказать, что я ревную? Эту... пиончик?!

– Несомненно. Причем из всех видов ревности твоя не только самая пошлая, но и самая безвыходная. Ты избавишься от нее, лишь добившись любви, но у ревнивцев обычно с этим плохо.

– Не думал, что мне захочется назвать глупой женщину, которая... которая...

– ...добыла твоему отцу корону?

– Нет, была женой моего друга! Я считал тебя и своим другом, видимо, зря.

– Если под дружбой понимать прикладывание примочек к царапинам, то на такую дружбу я в самом деле неспособна, но счастья я тебе желаю, а быть счастливым с Юлией ты, именно ты, сможешь.

– Так мило глупцом меня еще не называли! Тебе нужна ссора, Франческа? Ты поняла, что хочешь стать правящей герцогиней, но теперь это не выйдет? Или я тебе напоминаю о том, что ты хочешь забыть?

– До сего дня ты мне ни о чем не напоминал, теперь, видимо, будешь. Рыб на дне бассейна и пионы. Будь на мне не юбка, а панталоны, возможно, ты бы меня услышал, а сейчас все, что я могу для тебя сделать, это попросить о помощи виконта Валме. Послезавтра я уезжаю в Талиг, для начала – к графу Валмону. Нужно решать с торговыми пошлинами и преференциями: Фельп был и остается торговым городом, но теперь ему предстоит содержать еще и герцогский двор, а это удовольствие не из дешевых.

– И поэтому ты подбиваешь меня разводить морисские сорняки!

– Да, потому что злящийся с утра до вечера герцог нам обойдется дороже двора и флота вместе взятых, – женщина пристроила цветок на груди и свернула на боковую тропинку. Луиджи непонятно зачем тоже повернул.

Идти рядом и молчать было глупо, смотреть Франческе в спину не хотелось, к тому же нахальные растения так и норовили сунуть в глаз ветку или висячий корень. Не будь этого, Луиджи бы понял, куда выводит дорожка, раньше, а так пестрые плети внезапно расступились, и счастливого жениха вынесло к бассейну с фонтаном. Другому, но на дне все равно шевелили жабрами здоровенные пегие рыбины.

3

«Господин Прозмперадор Юга и дорогой (попробуй только кто-нибудь оценить Вас иначе, чем на вес золота) Бертрам!

Посылаю Вам это письмо взамен только что с огромным удовольствием сожженного, поскольку оно в связи с моим полным успехом утратило всякий смысл, а то, что утрачивает смысл, должно быть уничтожено по возможности быстро. Сие относится ко многому, но только не к книгам, даже самым бестолковым; в этом я убедился, решив по переданному мне регентскому совету (не в том смысле, в котором его понимает мэтр Инголс) перечесть Дидериха. Так и не ставший Сэц-Дораком поэт более всего ценил бастардов и безответную жертвенную страсть, порождающую сонм глупостей, кои множат число трупов.

Освежив в памяти «Плясунью-монахиню», я не удержался и взялся за не столь известную и при этом банальную драму. Некий дворянин возлюбил замужнюю красавицу, увы, оказавшуюся злодейкой, чрезмерной даже по меркам Дидериха. Осуществлять леденящие душу замыслы ей помогали любовник и некий высокопоставленный негодяй. Поначалу преступникам везло, но затем они совершили глупейшую, возможную разве что в дурной пьесе ошибку и оказались в руках уже третьего злодея, коему просто травить и клеветать было мало. Не стану Вам пересказывать всех злоключений просчитавшейся троицы, но в итоге злодей высокопоставленный потерял все, кроме жизни, был вынужден бежать и нашел убежище у верного обожателя к тому времени уже скончавшейся злодейки. Там он укрыв сундук, содержащее коего могло отравить существование множеству персон, как достойных, так и не слишком. К счастью, тайник обнаружил появившийся лишь в самом конце пьесы вельможа, чья роль свелась к допросу слуг и произнесению назидательного монолога. Вы же понимаете, что без финального поучения Дидерих обойтись не мог?

Досадно, но я убил на эту глупость несколько часов, хотя мог бы их провести в обществе старика Шарли, и теперь об этом сожалею, поскольку бедняга погиб. Вы как-то заметили, что жизнь, как свою, так и чужую, следует всячески украшать, разумеется, если свое

не вступает в противоречие с чужим. Я мог сделать последний вечер Шарли гораздо приятней, а потратил на глупейшую из драм. Чтобы хоть как-то оправдаться, прошу Вас взять на правах Прозмперадора под опеку имение покойного и не обойти вниманием его доверенных слуг, особо отметив нынешнего управителя, кажется, в самом недавнем прошлом – военного. Разумеется, я немедленно дам знать законному наследнику, но наш великолепный Себастьян вряд ли сможет покинуть армию ради устройства семейных дел...»

О том, что во владения покойного нужно нагрянуть тайно и быстро, можно было написать без обиняков, но Валмон обожал шарады, а у Лионеля выдалось нечто вроде передышки. Бросать корпус, даже толком не оглядевшись, Савиньяк возможным не считал. Сперва следовало проводить Салигана, встретить Вальдеса, убедиться, что «зайцы» скачут напрямик в Олларию, и передать командование легкораненому Стоунволлу, о чем приходе как раз доложил дежурный «фульгат».

– Впустите, – Лионель отодвинул походную чернильницу, к которой немедленно сунулся инспектирующий стол салиганов полосатик. Странно, почему у матери не водилось кошек, не из-за олларианства же?

– Господин маршал, – доложил от двери полковник. – Явился по вашему вызову.

– Добрый день, – нарочито неслужебно отозвался Ли. – Где сесть, выбирайте сами.

– Благодарю, – Стоунволл зашарил глазами по комнате. Издали он больше не казался лысым. Нет, волосы у драгуна не отросли, их заменила аккуратная повязка цвета пшеничной соломы, которая в полумраке вполне сходила за шевелюру.

– А вы, сударь, похорошели, – объявил соизволивший покинуть захваченную им кровать Салиган. – Так и ходите, пока я не добуду вам паричок, а добуду я его в Олларии. Теперь же вынужден вас на некоторое время покинуть, этого требует мое служение. Оно же требует «закатных тварей» и мозгов.

– Обеспечьте, – велел маршал благоразумно задержавшемуся «фульгату», и Салиган убрался, напоследок ставив со стола встопорщившегося кота. Стоунволл проводил свободного дукса взглядом, но промолчал – видимо, не имел на его счет твердого мнения, которое требовалось незамедлительно изложить.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Лионель, из последних сил не представляя Стоунволла в паричке Капуль-Гизайля. – Меня отзывает Алва, так что через несколько дней я отбуду. Вы в вашем нынешнем состоянии сможете проверить окрестности и довести корпус до Аконы?

– Да, – не усомнился в себе полковник. – Сколь быстро мы должны подойти?

– Руководствуйтесь здравым смыслом. Вряд ли от воинства Залы откололись крупные отряды, но мелкие компании бесноватых вреда причинят не меньше. Постарайтесь вычистить все, что возможно.

– Да, господин командующий, я понял. Господин командующий, у меня письмо адмирала Вальдеса.

– Давайте.

Писать Ротгер терпеть не мог, но порой приходилось, и сегодня был именно такой случай.

«Ли, – уведомлял на кэналлийском Бешеный, – если ты к Рокэ, то я тебя, может, еще и догоню. Дело мы сделали, Заль убрался, а тебе остается целый Стоунволл, хотя Юлиане он нужнее. Увы, с этим все печально, а я – к Линде, не проститься навсегда – свинство. Эномбрэдасоберано!»

– Надеюсь, – Лионель неторопливо разорвал записку, – охрану он все-таки взял.

– Да, Монсеньор. Драгунский полуэскадрон.

– Тогда займемся нашими делами. – Возвращать Ротгера сейчас смысла нет, пусть после вчерашнего отдышится, но Рединга и, пожалуй, Лагаши отправить альмиранте в помощь не

помешает. – В каком состоянии находятся подчиненные вам на время боя у Вержетты войска? Если сейчас к докладу не готовы, приходите утром.

Стоунволл оказался готов, и командующий узнал, что дела обстоят очень и очень недурно. Убитых, раненых и бесследно сгинувших во время ветреного безобразия насчитали чуть больше трех сотен, а в лошадях потерь почти не было, так как дрались преимущественно пешими. Раненые размещены по приличным домам, в тепле и сухости, лекарь с помощниками стараются как могут.

– Полные списки потерь моего полка, равно как и рапорты тех, кто был мне переподчинен, готовы, их сейчас переписывают набело и не позднее чем через полчаса предоставят вам, – драгун неожиданно совсем по-человечески чихнул, поморщился и поднес руку к повязке. – Прошу простить. Каковы будут наши дальнейшие шаги?

– Зависит от того, как скоро «фульгаты» найдут заячью лежку. – Салиган в лучшем случае выедет через пару дней, а пока будет украшать своей персоной ставку. – Вынужден вас просить забыть встречу с маркизом Салиганом.

– Разумеется, Монсеньор. Правильно ли я понял, что мы возвращаемся в том числе и благодаря этому человеку?

– Да. Это для вас важно?

– Очень. Моя супруга и дочери будут за него молиться. Детские молитвы в глазах Создателя особо ценны, а маркиз, насколько мне известно, прежде вел спорный образ жизни.

– Вы правы. – Создателя, скорее всего, нет и никогда не было, но это не то знание, которое облегчает жизнь полковникам. – Идите отдыхать, Томас, это приказ.

Стоунволл поднес руку к непривычно золотистой голове и исчез за дверью. Унеси вчерашний ураган, полковник бы не сплеховал, но живой и здоровый маршал наполнял его душу покоем, вот и хорошо. Все вообще хорошо настолько, насколько это возможно на Изломе и на войне.

4

Синие сумерки пугали холодом, но смотреть в окно все равно было приятно, и Мэллит смотрела, готовясь зажечь свечу. Гоганни понимала, что нареченный Ли огня не увидит, но когда вечер наливался синевой, поднималась к себе, ставила на окно подсвечник и забиралась с ногами на кровать, не отрывая взгляда от жаркой звездочки. Когда свеча догорала, девушка ее меняла и шла к шьющей золотом Сэль. Иногда они оставались вдвоем, иногда к ним присоединялся генерал фок Дахе, который знал многое о войнах и воинах. Гоганни нравилось спрашивать и слушать, но сегодня герцог Надорэа счел себя здоровым и вышел к обеденному столу, спугнув спокойную радость и убив вкус сырного супа. Генерал фок Дахе остался с назойливым, как остаются в заслоне, позволяя армии отступить, только Сэль не нравилось, когда один закрывает многих, и Мэллит была согласна с подругой.

Девушка смотрела на два огонька – истинный и призрачный, не желая спускаться в общие комнаты и слушать ненужное, но в дверь постучали прежде, чем догорела свеча.

– Извини, – сказала подруга, – приехали из Альт-Вельдера. У тебя родилась сестричка, а мама рада, что Эйвона не убило, но к нам не придет, потому что ей надо привыкнуть к мысли, что он здесь сидит и говорит глупости. Я была права, хотя ничего хорошего в этом нет, потому что, когда думаешь о неприятном, лучше ошибиться. Понимаешь, я очень боюсь, что мама решит себя принести в жертву сразу нам и своей совести, потому что ей стыдно, ведь Эйвон вернулся, а она совсем не рада. Вот когда мама из-за него плакала, все было в порядке.

– Почему? – спросила гоганни, желая сразу и понять, и прервать чужую печаль.

– Потому что для мертвого ухажера она не могла ничего сделать, а для живого может, и тогда ему будет хорошо, а маме плохо. Однажды мне купили очень красивые туфли с голубыми

лентами, страшно неудобные, только Цилла этого не знала и сунула их в печку. Мне было жаль папеньку, потому что он зря потратился, и сами туфли немножко тоже, ведь их так ни разу и не надели. Если бы я встретила мастера, который эти туфли сшил, мне было бы перед ним неловко, но останься они целы, я бы в них мучилась. Неприятный брак – это еще хуже, только мама, кажется, решила мучиться.

– Ты очень расстроилась? – на всякий случай Мэллит взяла подругу за руку. – Все плохо?

– Пока нет, – вздохнула Сэль, – но мне надо идти и говорить с Эйвоном. Если я буду одна, выйдет очень долго, и я могу не выдержать и сказать то, что говорить дурно и невежливо. Ты пойдешь со мной?

– Конечно, но разве будет от меня польза? Или я должна что-то подтвердить?

– Как захочешь... Вдвоем проще сбежать, а без тебя мне придется господина Надорэа заткнуть. Это не самое хорошее слово, зато оно подходит.

– Я пойду с тобой. Когда тебя не было, мне помогал уходить генерал фок Дахе, но разве можно говорить о таком при чужих? Даже Роскошная, когда хотела отругать первородную Ирэну, меня прогоняла.

– Да, так порядочнее. Ее величество тоже говорила с теми, кому требовалось вправить мозги, наедине, но нам не надо, чтобы Эйвон поумнел. Нужно убедить его сидеть здесь, пока маме не объяснят, что с герцогом Надорэа будет хорошо только кому-то вроде герцогини Фельсенбург, если она в самом деле такая, как рассказывает Руперт. Когда будет можно сказать, что Эйвон здесь, я напишу графине Савиньяк, чтобы она поговорила с мамой, у нее получится. Пошли.

– Пошли, – повторила Мэллит, покосившись на свечу в лапках бронзовой куницы. Как просто дать зарок каждый вечер смотреть в огонь, но порой приходится уходить прежде, чем он погаснет.

– Мы можем пойти завтра, – негромко сказала Сэль. – Прости, что я к тебе ворвалась.

– Ничего. Не будем откладывать неприятное, иначе оно станет расти.

Они перешагнули лежащего за порогом Маршала и спустились лестницей, по которой проходило и зло, и добро. Кот за ними не последовал, он понимал, что хозяйка не стремится ни в кухню, ни к садовой двери. Возле комнаты герцога Надорэа подруга вздохнула и поправила воротник.

– С плохими людьми проще, – сказала она, – их можно прогнать, даже выходцев, и от этого не становится стыдно.

Сэль постучала дважды и назвалась, за дверью зашуршало и стукнуло. Герцог Надорэа запирался сразу на ключ и на крюк, хотя к нему приходили, лишь когда без этого было не обойтись.

– Селина! – воскликнул облаченный в коричневое хозяин. – И вы, милое дитя, прошу вас. Но что привело двух юных особ в столь поздний час в мою обитель? Надеюсь, не произошло ничего дурного?

– Мама прислала письмо, – объяснила Сэль. – Она по просьбе графини Савиньяк и графини Ариго гостит в замке Альт-Вельдер. Это очень далеко, и сейчас туда не проехать из-за снега, а потом все начнет таять, так что других писем не будет до середины весны. Мама очень рада, что вы живы и остановились у нас, она бы вам сама все объяснила, но ей пришлось спешить, потому что уезжал гонец к генералу Ариго. Мама успела написать только мне, чтобы я попросила вас задержаться.

– Могу... Могу ли я увидеть ее письмо?! Я не смею молить о праве прочесть посвященные мне строки, только увидеть!

– Я его сожгла, мы привыкли сжигать письма, когда жили при дворе, но я могу отдать вам футляр. Он очень красивый и на нем изображен замок, где мама сейчас.

– Вы ангел! Но как жаль, как невозможно жаль, что письмо погибло, хотя я понимаю... Дорак и его приспешники не оставили нам выбора, мой кузен тоже сжигал письма, даже самые невинные. Страшные времена порождают страшные привычки, и они остаются с нами навеки, но расскажите же о вашей прекрасной матушке! Все, что можете вспомнить и что не является тайной.

– Но я все уже рассказала. Мама написала совсем немного, ведь у нее не было времени. Давайте я принесу футляр.

– Нет-нет, девушке из хорошей семьи не пристало быть на побегушках у мужчины, вы же не камеристка! Я пойду вместе с вами, но где же курьер? Я хотел бы его наградить и задать ему несколько вопросов.

– Он заехал к нам по дороге, ему еще надо в армию к графу Ариго и герцогу Придду. Это солдат, он доставил то, что ему велено, и отправился дальше.

– Как жаль... Но если солдат смог проехать сквозь снега, значит, это возможно! Я знаю, где сейчас ваша матушка, я найду проводника!

– Если бы мама хотела, чтобы вы приехали, она бы так и написала, а она хочет, чтобы вы ждали весны вместе с нами.

– Таково ее желание?

– Да.

– Я подчиняюсь, хотя... Создатель, конечно же! Как же я не понял сразу?! Весной истекает срок траура, о котором я непристойно позабыл. Я с чистой совестью смогу предложить своей избраннице руку и сердце, и нас никто не осудит! Да, разумеется, я остаюсь здесь, с вами. Ваша матушка могла бы велеть мне шагнуть в огонь, и я шагнул бы, а мне предстоит всего лишь ждать! Сама просьба остаться в этом доме означает согласие, но мы не должны давать повода злым языкам, особенно теперь, когда регент Талига возвел меня в герцогское достоинство. Конечно, если вернется юный Ричард, я умолю герцога Алва отменить свое решение, но от мальчика слишком долго нет вестей... Я все еще надеюсь, однако Надор не может оставаться без хозяина, это было бы предательством по отношению к Эгмонту, к кузине...

– Сударь, – напомнила Сэль, – вы хотите мамин футляр для писем?

– Да! Да... Я верну его вашей матушке, но не пустым! Вы не знаете, в этом городе есть ювелир, который может сделать достойные браслеты?

Подруга знала, но день золотых дел мастера короток.

– Драгоценное прекрасно при свечах, но обретает достойный облик при свете дня, – вспомнила уже полузабытые слова Мэллит. – Небо ясное, завтра будет солнце, оно выявит обманное и позволит узнать лучшее.

Глава 3

Приддена. Старая Придда

1 год К. Вм. 13-й день Зимних Ветров

1

По крайней мере одним богоугодным делом в Олларианской академии занимались точно – фруктовый сад, в котором утопало главное здание, изобиловал птицами, и подкармливали их на совесть. Опоясавший кардинальские покои широченный балкон – и тот украшала кормушка, где всюю возились местные пичуги, однако умиления писклявое копошение не вызывало. Матильда поплотней запахла подбитый мехом плащ и попыталась вспомнить, как Этери называла летучего «карлиона». Увы, память удержала лишь половину кагетского прозвания, настырный обжора на талиг бы именовался «зеленоштанцем», вот только каким?

– И пребудут с нами лишь птицы небесные, – выбравшийся вслед за супругой на балкон Бонифаций был откровенно доволен. – Как ни изворачивайся – не подслушаешь. Вот в столовой и, того более, в кабинете если и вести беседы, то не для себя, но для ушей непотребных. Сие полезно, только как бы ты хихикать не принялась.

– Могу, – согласилась женщина, разглядывая лежащие внизу сугробы, под которыми угадывались цветники. – Я еще и пристрелить могу.

– Не ко времени, – отрезал благоверный, доставая часы. – Регента сподручней в тиши дожидаться, а там поглядим. Скоро для приватной беседы здешний боров заявится. Как он тебе с первого взгляда-то показался?

– Да как все они: гидеонит гидеонитом, только аспид. Если бить будешь, я посмотреть хочу.

– Сдержусь, – заверил Бонифаций. – Ты, пока я беседовать буду, погулять бы сходила.

– Не хочу!

– Не для удовольствия. В апартаментах к тебе не подступиться, а в садах али на голубятне – запросто. Должен же кто-то на здешнего Аврелия донести, да и Платон, что мастерскими живописными ведает, мне любопытен. Глянуть бы тебе на богомазов, а то б и картинку-другую добыть на свой вкус. Кардинальшу уважат хоть бы и Леворуким со всеми тварями его.

– Добуду, – чуть не облизнулась алатка, которую потихоньку охватывал охотничий азарт. Разобраться в змеином клубке, где чья башка, а где – хвост, было не только нужно, но и до ужаса любопытно, к тому же хотелось утереть нос Бурразу, которого признанные умники годами держали за тергача. – Только как бы мне по незнанию не наерундить. Я с регентом и паршивцем Валме по три часа, как некоторые, не болтала, а Урфрида мало того что себе на уме, так еще и самого ума небогато.

– То тебе виднее, – кивнул супруг и придвинулся поближе. Поправить подбитый мехом плащ и... вообще. – Кубло в стенах сиих вызрело знатное, а все с того, что Сильвестр, дрянная эдакая, запоматывал, что смертен.

– Вечно у тебя Сильвестр... Забыл бы ты о нем, умер и умер!

– Сам-то грешник умер, – непривычно тихо сказал Бонифаций, – да дела, что наворотил он, живут. Одна радость, не я судья кардиналу сему, а то, чего доброго, рассироился б и попустил из болота посмертного прежде Суда на кочку выбраться.

Муж, шмыгнув носом, хмуро уставился на шпили большой, в пору столице, церкви, и тут в кормушке заверещало. Матильда торопливо обернулась: к вожакам крошкам, распихивая синиц, всюю пер дубоносый невежа в красной шапке.

– Кыш, пакостник! – принцесса резко махнула рукой. Птицы – и нахал, и его жертвы – брызнули в стороны, под ноги опустилось одинокое перышко, и стало совсем тихо.

– Почто отворотилась? – грозно спросил муж, и у Матильды отлегло от сердца. – Соглашались мы друг на дружку «в горе и в радости», значит, и «в силе и в слабости»... Ну явил я слабость, так не потакай! И запомни: дятел то был. Торский.

– Все равно «карлион», – как могла беспечно фыркнула алатка. – Ты давай рассказывай, мне скоро головы морочить, а чем?

– Что б ты да не заморочила? – обрадовал Бонифаций и почесал бровь. – Постой, дай подумать, с чего начинать, чтоб понятно было.

– С чего хочешь, ызаргов я всяких нагладелась, разберусь.

И она разобралась, зря ее, что ли, полвека назад в гаунаские королевы прочили?! Мекчеи, даже братец Альберт, каким бы нетопырем он ни стал, правили сами, а вот в Талиге короли выдохлись, и за дело взялись аспиды.

Диомид, про которого у Бонифация дурных слов не нашлось, выбрал себе в преемники Сильвестра. Этот вроде бы радел за Талиг, но к возможным преемникам ревновал со страшной силой и выставлял всех, кто был хоть на что-то годен, из столицы. Чтoб не искушать близкой властью и самому не искушаться, ибо убийство, что ни говори, штука паршивая, а всех, кто поглядывает наверх, в Багерлее не засунешь.

Спровадив в тюрьму и в провинцию с полдюжины чересчур рьяных собратьев, кардинал вспомнил о Старой Придде. Вернее, о запасной кардинальской резиденции, заложенной в Приддене на второй год Двадцатилетней войны. Тогда удирать из столицы не потребовалось, но не пустовать же немалому подворью! Алонсо Алва, на время болезни короля ставший полновластным правителем, запустил в едва достроенные здания семинаристов, олларрианскую типографию и богомазов с их вонючими красками. Дело пошло: икон, священников и книг по военному времени требовалось много, в итоге случилась эдакая церковная мануфактура, приносящая огромный доход, но к столичным делам касательства не имеющая. Война закончилась, но Приддена продолжала богатеть. Сильвестра это полностью устраивало, и он перенес туда еще и Олларрианскую академию. Само собой, чтобы уберечь молодых аспидов от столичных соблазнов.

Что до маститых богословов, то им пришлось выбирать между провинцией и отставкой, дающей право на пенсию, но исключающей служение, а значит, и возможность в один прекрасный день заполучить кардинальство вместе с Талигом. Разумеется, честолюбцы откочевали на северо-запад. Еще через пару лет Сильвестр объявил, что к епископскому сану может быть представлен лишь тот, кто не менее четырех лет провел за изучением богословия, прошел испытания и написал диссертацию, кою утвердил сперва Академический совет, а затем лично кардинал. Уже успевшие стать епископами получили чин вице-академика. Вместе с немалой разовой выплатой, достойным жильем при Академии и обязанностью раз в каждые три года проводить там не менее шести месяцев. Усугубляя благочестие и сочиняя трактат, который отправлялся для утверждения совету действительных академиков богословия.

– Так вот оно что! – выпалила почти восхищенная Матильда. – А я-то гадала...

– Что ты гадала, душа моя?

– Как вышло, что никто из аспидов к моему дурале... Альдо Ракану не перескочил. Если уж среди вояк изменники затесались, клирики бы и вовсе... А их поблизости просто не было! То есть кто-то был, но так, мелочь.

– Верно думаешь, – одобрил Бонифаций, – Тут они все, скоты несытые, и запятнаны разве что дуростью да услужливостью, но за то в Талиге не убивают.

– Ну и зря! – женщина красноречиво тронула пристроенные под плащом пистолеты. Шадовы. Бившие еще лучше дьегарроновы хранились под подушкой в гайифской шкатулке. – Аврелий-то и этот, Платон, они друг с дружкой как?

Оказалось, скверно. Платон ходил в главных помощниках прошлого ректора, а тот выставился не хуже эсперадора Юнния. Никто не сомневался, что после смерти преосвященного академии возглавит именно Платон, но Сильвестр счел иначе и прислал в Приддену Аврелия, бывшего епископа Оллари и, как поговаривали, будущего кардинала. Платону достались печатная и живописная мануфактуры, и он вроде бы даже не особо расстроился. Видимо, думал, что Сильвестр через пару лет отправится к праотцам, Аврелий его заменит и сделает умного Платона столичным епископом.

Придденский гадючник, тихонько извиваясь, ждал кардинальской смерти и дождался, но затем все смешалось. Аврелий, а значит, и Платон ничего не получили, с кардиналами пошла какая-то чехарда, и, самое главное, оказалось, что вожжи перехватили военные. Церковники сперва растерялись, потом бросились приноравливаться к регентам, и тут объявился Бонифаций, которого давным-давно сбросили со счетов.

– Теперь самое веселье и начнется, – на сей раз благоверный почесал нос и закашлялся. – Аж охрип, тебя вразумляючи! Ну да ничего, сейчас не говорить мне, но слушать. Доносить коротко наш брат-аспид не умеет, отойду, водички мятной глотну только. Ты-то поняла?

– Со здешними ясно, – заторопилась Матильда, – теперь про Тита доннервальдского давай. Урфрида, как сюда ехали, обмолвилась, что в кардиналы он ломится, как медведь на пасеку.

– Ломиться-то ломится, но для дела, а что не любят его академики, то нам на руку. Ты только не забывай, что супруг твой в делах здешних ни уха ни рыла, ибо хряк варастийский.

– А кто ж еще? – принцесса нащупала лапищу благоверного и сжала ее. – И с чего только я за тебя вышла? В смысле что мне про нас врать?

– Горда сверх меры, – с ходу решил Бонифаций, – не хотела к братцу в приживалки, вот и согласилась. Еще и глаз на маршала положила, не можешь ведь без дуболомов сих. Дьегар-рон башкой скорбен, Ноймаринен – спиною, но и такой меня краше, с того и бешусь, а Тит и пользуется. Влез в доверие, к рукам прибрал, я без него скоро шагу ступить не смогу.

– А не перемудрим? Если Тит не туда потянет, тебе же безобразие прекращать придется; тут с тобой все ясно и станет.

– Времени ему для безобразий не хватит! О, слышишь?

– Идут, – женщина нехотя отпустила мужнину руку и как могла склочно вздернула подбородок. – Сказала же, хочу гулять, и пойду! Вон тут сады какие, в пору кабанов гонять, а ты меня в четырех стенах запереть хочешь!

2

Новый кабинет Рудольфа для «прогулок» годился заметно меньше предыдущего, превращенного в парадную гостиную. Шпалеры с горными северными пейзажами тем не менее были хороши, и графиня Савиньяк их с чистой совестью похвалила.

– Не хуже алатских, – Арлетта коснулась вытканного водопада, – и очень подходят хозяину... Хотя он ведь привык во время разговора бродить?

– Рудольфу придется чаще поворачивать, только и всего, – Георгия, подавая пример, опустилась в одно из кресел, расставленных возле украсившейся бронзовыми накладками печи. – Всем нам время от времени приходится чем-то жертвовать. Счастье, что не потребовалось выкупать чьи-то особняки и строить новый дворец.

– О нас неплохо позаботились в Двадцатилетнюю, – улыбнулась гостя. – Цитадель с королевской резиденцией и неподалеку Олларианская академия. Хотя за нее скорее нужно благодарить Сильвестра.

– Ты права, – согласилась хозяйка, дергая звонок, – кардинал тратил на Академию много, хотя сам там почти не бывал. Рудольф доволен.

– Чем, Геора?

– Кардиналом. Вернее, тем, что он поладил с Титом, а вот мне не по себе. Когда видишь, как люди меняются, становится страшно... Ты ведь помнишь Артура Фукиано еще не в черном?

– Конечно, – поняв, куда ее ведут, Арлетта уверенно свернула в другую сторону. – Тебе повезло, Рудольф изменился меньше многих. Я не так давно вспоминала, как он сбежал от Маргариты Борн.

– Да, Рудольф верен мне и Талигу, и я плачу ему взаимностью. Мы с ним ни разу не опускались до ревности. Мама знала, что значит долг, и успела объяснить это нам с сестрами. Бедного Фердинанда воспитывали другие, хотя для Талига и для всех нас лучше было бы наоборот. Король, Арлина, должен быть сильным, но женщине, если она желает счастья или хотя бы покоя, лучше родиться податливой. Не могу выразить, как мне жаль свою невестку, она могла быть счастлива с кем-нибудь вроде моего Эрвина, а ей достался Фердинанд. Одной лозе не стать опорой для другой...

– Я видела поля, заросшие вьюном, рядом с ним никакая другая трава не выживает, но я понимаю, что ты хочешь сказать. Вот поймут ли другие, услышав, что ты считаешь Катарину Ариго слабой.

– Я не говорю с «другими», – покачала головой Георгия, – я говорю с тобой. Катарина безумно боялась Сильвестра и Манриков, но еще больше она боялась Создателя. Этот страх и заставлял ее барахтаться в поисках хоть какой-то опоры. Сильный человек мог сделать с ней что хочет, и делал. Я об эсператистском кардинале, который, по сути, и являлся настоящим регентом. К счастью, интересы этого Левия не противоречили нашим, и, к еще большему счастью, он вовремя и с пользой умер. Ты не согласна?

– Как я могу быть согласна, если его высокопреосвященство знал толк в шадди, а меня спас его человек?

То, что шадди внесли именно сейчас, можно было счесть знамением. Герцогиня с улыбкой предложила выбрать чашечку первой, графиня пожала плечами, она не боялась. Пока.

– Разумеется, ты сожалеешь о приятном собеседнике и благодарна за спасение, – Георгия непринужденно испортила одну из чашек сливками. – Ему и мы с Рудольфом благодарны, но одно другого не исключает. Левий мог быть сколь угодно хорош, но Талиг – это оллариянство. Мы не могли себе позволить, чтобы серый кардинал обыгрывал черного, а Бонифаций, даже вместе со столь любимым Рудольфом Титом, эсператисту были не соперники. Потому мне и приходится радоваться смерти наверняка достойного человека... А ведь когда-то Артур Фукиано подавал большие надежды! Ты ведь его знала?

– Не слишком. – Вернулась к кардиналу... Что ж, на сей раз можно и понять. – Моя почти помолвка с его братом обошлась без моего присутствия, а потом я уехала в Савиньяк, так что могу судить разве что со слов Рокэ и Бертрама.

– Бертрама? Как странно... Не думала, что граф Валмон исцелился настолько, что сумел перехватить следующего на север кардинала.

– Сумел бы, – Арлетта вежливо отхлебнула. Чуда не произошло: шадди был бездарно крепок. – Если б узнал и счел нужным.

– Так они не встречались?

– Сейчас, насколько мне известно, нет. Просто Бертрам любопытен, особенно когда речь заходит о кардиналах и маршалах, и он, в отличие от меня, знал Бонифация не понаслышке. Бедняга с юности был ревнив, особенно если соперник носил мундир с широкой перевязью. Кажется, столь скоропалительным появлением его высокопреосвященства в Старой Придде мы обязаны маршалу Дьегаррону, а еще более стремительным отъездом в Академию – твоему мужу.

– Арлина, ты меня пугаешь!

– Всего лишь сплетничаю.

– Вернее, шутишь, – Георгия засмеялась и потянулась к пирожным. Значит, приняла к сведению, но не хочет, чтобы это дошло до собеседницы. – Не знаешь, где взять виды Сагранны и Варасты? Мне кажется, в королевской резиденции, тем более расположенной на севере, должны быть и южные залы. Кагеты, по словам Валме, рисуют каких-то ужасных птиц, а кэналлийцы?

– До недавнего времени на диком юге требовались разве что военные, – Арлетта старательно сощурилась на шпалеры. – Среди алвасетских стрелков можно найти недурного гитариста, но не художника.

– Членов королевской академии сейчас не собрать, придется обращаться в Приддену. Хочешь сказать, что о подобных мелочах сейчас думать не время?

– Не хочу. Единство севера и юга – это не только браки, но и дворцы, и романы.

– Хорошо, что ты это понимаешь, хотя ты же Рафиано... Наверное, я делаю ошибку, но мне придется быть с тобой откровенной настолько, насколько мать может быть откровенна с другой матерью. Ты к такому не привыкла и уже не привыкнешь, однако у меня нет выбора. Нет, я не об Урфриде и Лионеле, тут ты меня даже не убедила – заставила прислушаться к сердцу.

– Чьему, своему или Урфриды?

– Своему. Я отдаю должное таланту и воле твоего сына, и я понимаю, что наша с Рудольфом дочь не вправе жить для себя, особенно в такое время, но возвращение Алвы дает Фриде шанс.

– Теперь уже я ничего не понимаю. Ты ведь не думаешь уговорить Рокэ жениться?

– Что ты! Просто у Фриды появилось несколько лет, чтобы пережить свое злосчастное увлечение. Она успокоится и поймет, что ей нужен не холод, а тепло. А Роберу Эпинэ нужен разумный, нежный друг, но это ждет. Моя вынужденная откровенность касается Гизеллы... Отчего-то мои девочки бессильны перед твоими сыновьями.

Следовало покаянно вздыхать и сочувствовать, но «урожденная Рафиано», оправдывая репутацию, продолжала щуриться на ползущий по шпалере голубой ледник. Ро успешно сбежал, продемонстрировав негаданную хитрость, а Гизелла, если Арлетта хоть что-то понимала, была не более чем поводом для просьбы убраться из Старой Придды, то есть, конечно же, убраться рокового Арно... Сына чудовищная мать и сама бы с радостью вытолкала на какую-нибудь войну поуютней, но оставлять нарождающийся двор без присмотра было опрометчиво. Не заявись в Старую Придду Валме.

Вдосталь налюбовавшись ледником, графиня Савиньяк снизошла до пирожного и полюбопытствовала, как церковные художники уживаются с академиками, а те друг с другом и с ректором.

– Лионеля в свое время разозлила замена Аврелия на Авнира, – приврала она. – Тогда многие считали, что Сильвестр от бывшего столичного епископа Академией просто откупился.

– Твой сын, само собой, считал иначе.

– Кажется, Ли говорил, что сам Аврелий счел свой отъезд шагом к кардинальству. – О клириках сын не говорил ничего и никогда, но так убедительней. – Забавно, что епископ Сабве и Пуэна придерживался противоположного мнения, полагая удаление Аврелия началом своего собственного возвышения. Видимо, его ввели в заблуждение Колиньяры, а вот кто ввел в заблуждение Тита? Рудольф?

– Ах нет, – отмахнулась Георгия, и Арлетта залюбовалась кружевами на рукавах подруги юности, очень пышными. – Рудольф обратил на Тита внимание, когда тот отказался оглашать послание Агния.

3

Такого количества Адрианов Матильда еще не видела, причем все они были даже не без волос – без черепов. На эсператистской иконе с ее черным фоном подобное еще могло сойти, но оллариианцы рисовали святых среди пейзажей. Испакощенный Адриан витал меж каких-то сосенок, которые лишь подчеркивали отсутствие у бедняги изрядной части головы.

– Вы так задумчивы, – приставший к кардинальше благообразный аспид решил наконец подать голос. – Я могу разрешить ваши сомнения?

– Где шлем, – хмуро спросила принцесса, – или хотя бы волосы?

– Это заготовки, – бросился объяснять клирик. – Лица должны высохнуть, и тогда... поверх красочного слоя... доспехи... серебряная краска... дороже прочих...

Не слушая, Матильда сцапала ближайшего Адриана и, стараясь не замазать пальцев, вгляделась в пустую надутую физиономию.

– Я видела изображения и получше, – буркнула она и тут же услышала, что адрианов в Талиге требуется много, больше, чем других святых, разумеется, не считая Октавии, а хорошие художники дороги. Пришлось набрать кого попало, посадить в ряд и обучить каждого паре мазков. Ценитель, конечно, такое не купит, но бедняки к ценителям относятся редко, а эти адрианы предназначены малоимущим. Его может себе позволить любая вдова или сирота.

– А что могу себе позволить я? – прервала почти гидеонитские излияния алатка. Женщина помнила, что должна выказать нор, но сейчас кусалась не для дела и даже не для удовольствия. Ей было противно, словно при встрече с Хогбердом. – Мне нужен пристойный Адриан, он у меня всегда висел, но раз уж я в Талиге, придется взять что-то здешнее. С пейзажем, но этих я не хочу!

– О, – немедленно возликовал спутник, оказавшийся помощником заправляющего в мастерских Платона, – разумеется, к вашим услугам будет наш лучший мастер. Поверьте, Ришар Дюпон обещает стать новым Рихтером! Если б только вы предупредили о своем появлении! Ваши глаза никогда бы не оскорбило то, что для них не предназначено... Когда мне сообщили, что принцесса Мекчеи вошла через ход для подмастерьев, я не поверил своим ушам...

– Разве вам не сообщили?

– Разумеется, нет, иначе я бы вас встретил. Прошу вас, скажите, кому вы говорили о своих намерениях?

– Вы меня неправильно поняли. В Академии могли слышать о моих привычках, боюсь, я веду себя слишком вольно, но не в мои годы меняться. Где то, что меня не оскорбит?

– Не рискну настаивать, но, возможно, вы согласитесь вернуться и немного подождать в приемной его преосвященства Платона. Понимаете, в состав, которым пользуются мастера, входят довольно... дурнопахнущие вещества. Если вы пойдете напрямик, ваше чувство прекрасного подвергнется серьезному испытанию.

– Оно потерпит, – заверила, приносиваясь, Матильда. Слева в самом деле отчетливо воняло. – Нам туда?

Нос не подвел, воняли непросохшие святые, никак не меньше сотни. С волосами на них уже был полный порядок, оставались сущие мелочи, которыми и занимались сосредоточенные молодые люди в полотняных блузах. Двое у двери сажали на одинаковых октавий одинаковые блики. На нос, на щеку, на платье, снова на нос, после чего ставшая чуть живее картинка отправлялась к следующему мазиле. Этот раз и навсегда заученными ударами кисти ляпал на небо летящих птичек, за которыми и следила приоткрывшая рот девица с косой. Общая прапрабабка Алвы и герцогини Ноймаринен.

– Сюда, – провожатый с достойным дворцов подобострастием распахнул заляпанную голубым дверь. – Прошу вас... Мастер может показаться молодым, однако своих учителей он

превзошел несколько лет назад. Открою вам тайну, иногда Ришару Дюпону позволяют и светские портреты. В целом это не приветствуется, но мастерство не должно ходить избитыми тропами. Вам так не кажется?

– Кажется, – принцесса завертела головой, разглядывая сохнувшие творения. Здешние адрианы и октавии отличались от тех, что сохли в предыдущих комнатах, как приторное пирожное от приторного же сухаря. Про олларрианскую Октавию Матильда знала маловато, но вот Адриан... Он мог быть грозным, злым, задумчивым, веселым, но никак не значительно-слонявым.

– Это чей? – спросила принцесса. – В смысле, это ведь кто-то заказал? Кто?

– Неважно, – спутник решил, что умеет читать мысли. – Теперь он ваш.

– Спасибо, – как могла вежливо поблагодарила принцесса. – Сперва я должна подобрать обивку для стен...

– Вам будет оказана любая помощь, – аспид резко обернулся на скрип за спиной и вновь расплылся в улыбке. – Ваше высочество, представляю вам мастера Ришара.

– Это ваших рук дело? – алатка указала на злополучного Адриана.

– Нет! – возопил коренастый, чудовищно курносый парень. – Это мастер Амадей. Моего тут нет ничего, я с весны работал над триптихом.

– Над каким? – живо заинтересовалась алатка, которой мазил неожиданно понравился.

– Король с королевой и Первым маршалом, – с готовностью объяснил художник. – Теперь все насмарку...

– Почему?

– Так получилось, – торопливо вмешался аспид. – Ваше высочество, вы хотели подобрать святого Адриана.

– А теперь я хочу увидеть триптих.

– Он не окончен, и вы собирались...

– Неважно! – Ногой ее высокопреосвященстве топнуть не удалось,хватило окрика. Пропшли очередным коридорчиком, поднялись по омерзительно крутой лестнице и ввалились в огромную комнату аж о четырех окнах. Посреди на столе валялись грифели, куски угля и какие-то наброски, дальше виднелось нечто вроде шкафа, пахло сразу и по-церковному, и нет.

– Вы должны понять, – тянул свое клирик. – Еще ничего не решено... Последнее слово не за нами... Мы как могли подготовили...

На кой ей аспидские художества, Матильда сама не знала, но бляенье спутника распалляло. Алатка прорвалась к холсту и уставилась на висящих в пространстве женщину и двоих мужчин. Работа не была выполнена и наполовину, но рисовать Ришар умел – в том смысле, что у него выходили несомненные святые. Как ему это удалось, кардинальша не понимала, поскольку изображенные не опускали очей, не кутались в древние тряпки и не воздевали рук в благословляющем жесте. Катарину с Фердинандом алатка прежде не видела, но не признать Алву было бы трудно, при этом собой Ворон не являлся, а вот на Адриана тянул вполне. Если подстричь и зачернить глаза.

– Что все это значит? – от растерянности почти рывкнула принцесса.

– Мы... я всего лишь исполнял волю кардинала... то есть мы не знали, что Агния отстранили... Он...

– Погибших во славу Создателя и Талига намеревались причислить к лику святых, – пришел на помощь только что подоспевший клирик, похоже, сам Платон. – В том, что их величеств и Первого маршала живыми не выпустят, сомнений, увы, было мало. Предполагалось, что регент, когда придет черная весть, отдаст соответствующие распоряжения, но создание канонического образа – дело небыстрое, к тому же художник, даже самый лучший, не сразу понимает, что от него требуется. Мы приложили все старания, однако обстоятельства изменились.

– О да, – с чувством согласилась принцесса. – Алва жив, а картину я заберу и буду считать ее Адрианом.

– Но... – позволил себе удивиться Платон, – у святого Адриана совершенно иная внешность.

– Главное, – принцесса не отказала себе в удовольствии поднять палец, как это делал муженек, – не плотский образ, но дух и свет, от одного исходящий. Я вижу Адриана, и не вздумайте мне его испортить.

– Как вам угодно, – не стал спорить со вздорной кардинальшей хозяйин, – но сперва осмотрите другие работы. Возможно, ваше внимание привлечет что-то уже готовое.

Не соглашаться было бы слишком, и Матильда чинно пошла вдоль мастерски выписанных ханжей и дурачков, вспоминая Этери с ее красочками и козлом, которого заслонила лезущий из стены сапог. Мутный Рцук волок к морю отгрызенную Рыбкой ногу, плескалось о берега озеро манся, воровато озирался Хогберд с полными ведрами... Какого шикарного святого сделал бы из него здешний Амадей! Бородатого, значительного, благостного, самое то для рвущейся к корыту своры. Жгучее желание пальнуть в никогда не существовавшую икону женщину слегка испугало, а порожденный воображением Хогберд упорно маячил перед глазами, загораживая настоящих святых, и даже порывался благословить.

– Спасибо за то, что удовлетворили мое любопытство, – торопливо поблагодарила принцесса, – но здесь в самом деле сильно пахнет. У меня... немного кружится голова.

Уже подходя к дому, Матильда сунула руку в карман плаща и нащупала записку. Мелькнула мысль прочесть вместе с Бонифацием, но тот все еще сидел с Аврелием, и женщина не утерпела. На пятнистой от угольной пыли бумаге было торопливо набросано: *«Ваше высочество, я в самом деле рисовал Адриана... И у меня получилось! Спасибо Вам. Ришар Дюпон»*.

Глава 4

Старая Придда. Эдеса

1 год К. Вт. 13-й день Зимних Ветров

1

То, что Арно на целый день сбегает к Придду, Арлетта всецело одобряла. Мало того, прикидывая утренние действия, ужасная мать исходила как раз из отсутствия сына, а тот заявился, еще и двух не было. Вместе с лучшим другом. Графиня поймала два ожидающих взгляда и решила удивления не выказывать.

– Если я правильно понимаю, – заметила она, – нас ждет серьезный разговор, однако опыт показывает, что это вполне совместимо с хихиканьем. Валентин, надеюсь, вы нас простите.

– Он тоже хихикает, – обрадовал Арно и, как в Сэ, уселся на ковер возле печи, – но дело и впрямь важное.

– Сударыня, – не заставил себя ждать Придд, – прибыл курьер из Альт-Вельдера с письмами не только мне и, увы, отбывшему в армию маршалу Ариго, но и вам. Футляр открывается одновременным нажатием на крылья стрекоз в правом верхнем углу.

– Спасибо, – поблагодарила графиня, принимая очаровательную шкатулку. – Садитесь, Валентин.

Спрут благовоспитанно поблагодарил, но вместо того, чтоб опуститься в кресло, устроился рядом с Арно.

– Сейчас подадут что-нибудь вкусное, – предупредила Арлетта, – вам будет далеко.

– Ради шадди можно и встать, – фыркнуло детище, – а сласти я теперь видеть не могу!

– Итак, ты меня теперь понимаешь.

– Теперь?

– Фрейлинские сласти были кошмаром моей юности.

– А... Понимаю, конечно, только я думал, у тебя было хуже.

– Пожалуй, – не стала отпираться Арлетта. – Валентин, письма я, само собой, прочту, но вы наверняка уже знаете, что с баронессой Вейзель.

– Да, сударыня. Баронесса произвела на свет дочь, и это ее довольно сильно расстроило, ведь она успела убедить супруга, что будет сын. К счастью, госпожа Арамона нашла выход: девочку назвали Юлиана-Росио.

– Необычно, но довольно красиво. Когда вы отправляете курьера к сестре?

– Ирэне я напишу уже из Васспарда. Мне придется заняться устройством наших семейных дел, но имеется и вторая причина, которая и вынуждает меня обратиться к вам. Я имею в виду поиски клада Манлия, ваша помощь в этом представляется неоценимой.

– Неужели вы рассчитываете отыскать золото в собственном замке?

– Нет, но мои предки собрали весьма достойную библиотеку. Часть ее отец вывез в Альт-Вельдер, однако ряд книг, о которых вспомнила Ирэна, остался в Васспарде, ведь в них при всем желании нельзя было найти ничего предосудительного.

– Боюсь, вы недооцениваете воображение некоторых господ, но вернемся к кладу, вернее, к тому, какой прок может быть от меня.

– Насколько я понял из письма сестры, опознать убившую себя незнакомку может лишь женщина, мужчина просто не обладает нужными познаниями. В письмах, которые я вам передал, об этом должно быть сказано подробно. Сударыня, я уже приглашал вас в Васспард, но тогда речь о деле не заходила.

– Спасибо, я поняла. – Георгия будет в восторге, вернее, в полувосторге, она бы предпочла выставить подругу юности в Фарну или, того лучше, домой. – Рудольф осведомлен о ваших поисках?

– Герцог Ноймаринен очень занят, кроме того, золото Манлия мне поручил граф Савиньяк, а герцог Алва это поручение подтвердил.

– Мама, – влез измолчавшийся Арно, – ты же раскопала про убийство королевы и про Сузу-Музу...

– В этом мне помогал Левий.

– А сейчас поможем мы.

– Валентин, вы, именно вы, тоже полагаете, что я буду полезна?

– Да, кроме того, так думает регент.

– Какое очаровательное совпадение. – Арлетта обвела глазами ставшую почти родной комнату. – Я могла бы ограничиться согласием, но лучше вам знать несколько больше. Герцогине Ноймаринен важно, чтобы некоторое время меня здесь не было.

– У меня также сложилось впечатление, что герцогиня желает обустроить двор в ваше и мое отсутствие. Виконт Валме, с которым я имел продолжительный разговор, считает, что фатальных последствий это не повлечет и к тому же позволит кое-что прояснить.

– Что ж, доверимся Валмонам. Арно, надеюсь, ты будешь должным образом огорчен необходимостью сопровождать родительницу?

– Мама, ты... Я попробую.

– Боюсь, для принятия подобающего выражения лица тебе потребуется лимон. И вот что, дитя мое. Тебе придется нанести прощальный визит его величеству и ее высочеству.

– И всё?

– Всё, если ты собрался жениться на Айрис Хейл.

– Мама!

– Если ты не собираешься связывать себя узами брака, вам с Валентином следует перепрощаться со всеми не разбежавшимися при вашем появлении девицами и их покровительницами. Когда мы выезжаем? При необходимости я собираюсь не быстро, а очень быстро.

– В таком случае все решит аудиенция. Сударыня, регент запретил вам путешествовать в сопровождении менее чем полуэскадрона.

– А я и не собиралась. – Вот почему разлука со стенами и стульями дается тяжелей разлуки с людьми, даже не тяжелей, тревожней?.. Эдакое «чувство норы». – Валентин, надеюсь, вы разоритесь на полный эскадрон, а то на дорогах сейчас кого только не встретишь.

2

К встрече с засевшим на главной квартире сервиллиоником Капрас мысленно готовился всю дорогу и вроде бы приготовился, но должного настроения хватило лишь до прихожей, вернее, до Микиса, принявшего плащ командующего с на редкость брюзгливой миной. Увы, новый Прибожественный служителю высшего разряда не угодил, была очевидна и причина.

– Расселись тут, – шипел не хуже разъяренного гусака Микис. – Полы затоптали и расселись. И локти на скатерти! Срам...

– Зато столичный, – шепотом поддел сопровождавший командующего Йорго. – Не провинция, хоть и обхождения не понимают!

– Дикость это, – отрезал командир сапожных щеток, – столицу изнахратили и сюда заявились. Ноги не вытирают, в личные апартаменты без спросу заходят и обивку дерут. Шпорами... Расселись, фрукты требуют, а еще гвардия!

– Не гвардия то, – с нехорошим смешком бросил Агас, – а петушатник нухутский. Заправь-ка ты этому захватчику обед имбирем. И чтоб соус вчерашний...

– Помолчите! – велел командующий, берясь за дверь. Лидас тоже вламывался без спроса, плюхался в кресло, требовал то вина, то обед, то чернильницу, но это не бесило и не унижало: гвардейцы врываются в любые двери, не сомневаясь, что им будут рады.

В кабинете было светло, кто-то – либо Микис, либо сам Прибожественный Филандр – свечей не пожалел, и «захватчик» был виден во всей красе. Сервиллиоников одели в оранжевое с черным, но кроем расшитый позументами мундир повторял форму высших чинов Военной коллегии. Молодое, обрамленное гвардейскими локонами лицо над высоченным стоячим воротником выглядело странно, и засмотревшийся Капрас слегка промедлил с приветствием. Немного, но этого хватило, чтобы Прибожественный Филандр по-хозяйски поднял руку.

– Садитесь, маршал. Надо отдать вам должное, вы появились довольно быстро.

Отвечать Капрас не стал, просто сел. Будь он кем-то вроде Турагиса, оранжевый наглец получил бы в лоб пулю; прежний Карло напомнил бы, что командующий корпусом и легат числятся по разным ведомствам и никто никому напрямую не подчинен, нынешний приготовился слушать. Именно потому, что не собирался слушаться. Не подозревавший о подобном двуличии гость величественно открыл украшенную молниями шкатулку. На отутюженную Микисом скатерть лег обвязанный витым шнуром свиток.

– Читайте, – распорядился Прибожественный. – Это касается вас. Я, само собой, о содержании осведомлен и должен заметить, что в целом вы действуете правильно, хотя решительности могло быть и побольше.

– Позвольте? – Карло постарался взять рескрипт как можно спокойней.

Филандр не врал: бумага была выдержана в благожелательном тоне. Паона отдавала должное усилиям маршала Капраса по устройению корпуса, признавала уважительной причину задержки и одобряла направленные на поддержание порядка меры, как то истребление наводнивших Кипару и Мирикию возмутительных банд. Напоследок некто, находящийся в звании Победоносного стратега, выражал командующему Славным Северорожденным корпусом свое удовлетворение и предписывал по завершении убогаторения провинций выдвигаться в направлении столицы с тем, чтобы прибыть на место не позднее первой трети Весенних Скал.

– Я прочел, – с должным почтением сообщил командующий и по совету Агаса добавил: – Хвала Божественному Сервиллию.

– Четырежды Божественному, – уточнил сервиллионик и осведомился о состоянии корпуса.

Об этом рассказать было можно, и Карло рассказал, особо напирая на то, что бо́льшая часть кавалерии рассредоточена по зимним квартирам в городах Мирикии и Кипары, заодно поддерживая там порядок.

– Лучшие части все еще заняты преследованием и уничтожением банд Турагиса, – заключил короткий отчет Капрас, – собственно, я возвращаюсь как раз из такого рейда. Пришлось даже зайти в Кагету.

– Признавать границы возмутительной Кагеты – наносить оскорбление Четырежды Божественному Сервиллию, который скоро снесет этот грязный загон. Вы были в своем праве, маршал. Что-нибудь еще добавить можете?

Добавлять, что, не желая признавать границ, император уподобляется бацуте Пургату с его воплями, Капрас, само собой, не стал.

– Заготовка припасов идет более-менее успешно, – как мог спокойно сообщил он. – Тем не менее есть некоторые сложности, и я бы хотел...

– Это дело местных властей, – отмахнулся легат. – С губернатором Кипары я виделся, и он меня понял. Вижу, вы удивлены?

– Да, – счел за благо подтвердить маршал, удивленный разве что резвостью Филандра. – Этот господин любезен, но уклончив.

– Говорить с обожравшимися бездельниками нужно резко, – сервиллионик шлепнул ладонью по скатерти, заставив вздрогнуть и разбежаться добытые у Микиса фрукты. – Чем резче, тем лучше! Нужно требовать сразу всего – поставок, денег, людей. Под угрозой немилости Четырежды Божественного, а немилость – это смерть. Никаких порицаний, опал, ссылок и прочей бесполезной ерунды, только смертная казнь и конфискация всего имущества в пользу казны. Именно так я и поступаю. Вас, впрочем, здешние дела больше не касаются, вы отправляетесь на войну, как и хотели.

– Да, – очередной раз соврал Капрас, возвращая на стол скатившийся ему на колени дардион. – Мой долг – защита Паоны и императора.

– Четырежды Божественный Сервиллий в защите не нуждается, а теперь к делу. Много ли у вас войск в Кирке, а также поблизости и когда вернутся упомянутые «лучшие части»?

– В самой Кирке гарнизона сейчас не имеется. – Никаких тайн здесь нет, так что пусть знает. – После поднятого частью местного гарнизона мятежа, который мне пришлось подавить со всей строгостью, в городе стало тихо. У меня была мысль разместить там драгунский полк, но помощник вашего предшественника меня опередил. Он претендовал на звание сервиллионика, а я всего лишь временно исполнял обязанности, согласно...

– Мне все известно, – легат не то собрался чихнуть, не то просто поморщился. – Вы были правы, оставив печать у себя. Можете ее не возвращать: герб и девиз изменены, так что она утратила силу.

– В любом случае я не считал возможным размещать своих людей рядом с людьми тенъента Анастаса. – Память о Лидасе Капрас отдавать и так не собирался, но перемены в гербе избавляли от очередного вранья. – Поддерживать порядок в городе им вполне по силам.

– Плохо. – Прибожественный еще раз шлепнул по столу, но все готовые к бегству фрукты уже разбежались. – В Кирке свили гнездо предательство и ересь. Вы еще не знаете, но этот воню... возмутительный Анастас не только не подчинился, но даже посмел угрожать мне, а в моем лице самому Четырежды Божественному!

Так вот ради чего ты здесь! Не управившись с обнаглевшей «рыбиной», полноценным хозяином северных провинций не стать. Собственных сил не хватает, значит, самозванца должен уничтожить маршал Капрас, уничтожить и убраться.

– Вы меня поняли?

– Поведение Анастаса непростительно и недопустимо, – выдал достойный самого Фуриса оборот маршал, – и подтверждает разбойничью сущность данного негодяя.

– Анастас – изменник и кощунник. Запомните это.

– Я запомнил, – и отнюдь не сейчас. Так запомнил, что даже ночью пару раз снилось. Доцветающая мальва, выкрашенные серебряной краской воротца, изящный фонарь и на нем – оскаленный висельник. Носитель первой молнии северной гвардии Анастас. Тварь, которая могла спасти чудесного парня, но возжелала печать сервиллионика... власти над чужими жизнями возжелала.

– Ваша немногословность делает вам честь. Корпус до своего отбытия должен покарать преступника.

– Что надлежит сделать с подчиненными самозванца?

Спросить надо, но ублюдки вне зависимости от ответа будут вырезаны подчистую. И те, кто окажет ожесточенное сопротивление, и те, кто захочет сдаться, если такие, разумеется, найдутся.

– Подчиненные возмутительного Анастаса – его сообщники, а заодно еретики и свято-татцы! – Филандр уродился красавцем, Ставро напоминал жабу, но злоба превращает любое лицо в оскаленную белоглазую морду. – Прощать таковых нельзя, так что уничтожьте всех. Какими силами, решайте сами.

Сервиллионик Лидас жил и умер как гвардеец. Сервиллионик Филандр был партикулярной дрянью и готовился убивать. Если ему дать волю, север наплачется. Ионика еще может шарахнуть к Алату, а Кипаре с Мирикией куда? Не к Баате же...

– Долго думаете, маршал. – Теперь легат улыбался, и улыбка у него была злющей. – Четырежды Божественный, чтоб вы знали, тугодумов не любит. Итак?

– Согласно полученным донесениям, драгунские эскадроны, с успехом завершившие преследование злокозненных разбойников, скоро будут возвращаться назад, и как раз через Кирку. Их можно поторопить.

– Хорошая мысль.

Просто отличная. Настолько, что приказ отправлен позавчера, и не только драгунам Василиса, но пусть Филандр думает, что без его разрешения Капрас вообще ничего не предпримет.

– Я приму все необходимые меры.

– Не тяните. – Молодой человек в стариковском мундире откинулся на спинку стула, сверкнуло шитье. Очередные молнии, теперь они везде... – Важные вопросы мы обсудили, и ваши ответы, маршал, меня полностью удовлетворили. Приглашаю вас отобедать.

– Благодарю.

– Не стоит, – Филандр милостиво улыбнулся, его злоба явно шла вниз, но Карло успел увидеть достаточно. Пьетро с новым Прибожественным не ошибся, это свихнувшийся убийца.

3

Его величество явно расстроился, но при тетке давать выход чувствам не рискнул, только насупился и пробубнил, что ждет от доблестного капитана Савиньяка новых подвигов во славу Талига. Означенный капитан преклонил колено и верноподданно заверил во всем, что положено, но напоследок не выдержал:

– Ваше величество, – твердо сказал он, – я дал слово капралу Кроунеру, что академики увидят жука.

– Больнокусачего шипастого усача! – с достоинством уточнил Карл. – Мы отошлем картинку, когда художник дорисует, и проследим, чтобы наше повеление было исполнено должным образом.

– Я тебе сразу напишу, – подхватила Октавия, не отрывая взгляда от своей ленты на эфесе шпаги виконта. – Про все. Она мятая!

– Ваше высочество, – не растерялся Арно, – я, как вы и желали, не расстаюсь с вашим даром, но я военный, а военные должны фехтовать и проминать коней.

– Понятно... – принцесса на миг задумалась. – Я подарю тебе еще две! Одну будешь носить, вторую отдавать в стирку, а третья на всякий случай, вдруг какая-то потеряется.

– У нее все теряется! – не выдержал король.

– А у тебя ломается, – отпаривала ее высочество, – и проливается...

– Карл, – вмешалась герцогиня, – Октавия, не задерживайте нашего храброго друга, ему предстоит долгий путь.

– Он выдержит, – не усомнился король, глянул на тетку и затараторил: – Наши славные военные преодолеют любые преграды, но исполнят свой долг и принесут нам победу.

– Ваше величество, – главный кот Леворукого, взявший Арно под свое незримое покровительство, красноречиво пихнул виконта под преклоненное колено, – я отбываю не на войну, а к своему другу бригадиру Придду. Прошу вашего разрешения от себя и от него прислать вам лучшие книги про известных науке животных.

– Ой! Спаси... Мы будем весьма признательны. Ступайте.

– Подожди! – принцесса уже привычно выпутывала из косы ленту, на сей раз розовую. – Я сейчас еще и белую принесу.

– С вашего разрешения, ваше высочество, я в это время засвидетельствую свое восхищение вашим подругам.

– Не надо! Я сюда...

– Виконт Сэ – настоящий рыцарь, – улыбнулась герцогиня Ноймаринен. – Он не может пуститься в путь, не попрощавшись с той, чье доброе имя защитил. Не так ли?

– Конечно, сударыня, – незамедлительно подтвердил виконт, но Октавия уже умчалась, зато король как-то оказался рядом.

– А картинки там есть? – шепотом осведомилось его величество. – В книгах?

– Да, и очень подробные.

– Тогда ты быстрее, без ленты... Отправляйтесь, мы будем ждать известий.

– Ваше величество, я дал слово вашей сестре, но потом...

– Потом, – твердо сказал король, – ты загонишь четырех коней!

– Ваше величество, лошадей загонять нельзя, разве что речь идет о жизни и смерти. Поймите...

– Идите уже, виконт, – слегка поморщилась герцогиня. – Карл, вас ждет учитель.

Глава 5

Западная Придда. Старая Придда

1 год К. Вт. 15-й день Зимних Ветров

1

Где-то поблизости стрекотал сверчок, и это стрекотанье, мешаясь с похрапыванием Салигана, удостоверяло: жизнь продолжается и даже слегка торжествует. Было тепло и темно, лишь в низком окошке плясали красноватые блики – дежурные «фульгаты» жгли костер. Если и утро, то раннее, можно смело спать дальше, благо с Залем всё наконец прояснилось и дальше с ним возиться свободному дуксу. «Маршалу Лэкдеми» остается разве что на радостях напоить уцелевших офицеров и отправиться к Алве. Не мешкая, но и не очертя голову.

Лионель Савиньяк потянулся, просчитал про себя до шестнадцати, встал и зажег свечку. В юности он частенько просыпался на таких вот постоянных дворах, высекал огонь, наскоро одевался и уходил навсегда, оставив на столе кошелек, а в постели – спящую красотку. В Олларири память о молодой бездумной лихости будто илом затянуло, только ил нетрудно и соскребсти... Немного зимней ночи, удачно сделанное дело – и тебе опять двадцать, пусть и на пару минут, а ужин подавала очень славная девчушка. Ли Лэкдеми не оплошал бы, только его давно нет, а «подобный Флоху» обойдется до Аконы без женщин. Маршал слегка повернул подсвечник и бросил на стол возвращенную Дювье эсперу; не потускневшее за века серебро взглянуло в глаза огню и налилось червонным золотом. Так на полуденном солнце горят лепестки еще живых иммортелей... Суть жизни, блеск осени и при этом – символ зимы, а значит, смерти.

Свеча слегка потрескивала и мигала, но Салиган упорно спал, время от времени всхрапывая, видимо, из-за разлегшегося у него на голове кота. Хранить сон дукса Ли не нанимался, но и будить было не с чего: все, что получалось вытрясти друг из друга, они уже вытрясли, оставалось осмыслить.

Раймон не сомневался, что с погодой, пусть и не нарочно, надурил Вальдес, Ли склонялся к тому же. Альмиранте прекрасно понимал, что Залю нужно выставить за Кольцо, но созерцать уходящих подонков трудно, почти невыносимо. Ротгер как-то сдержался – не бросил в погоню конницу и не бросился сам, но ярость искала выход и снесла некий барьер, выпустив, а вернее, погнав наперерез «зайцам» бурю. Заль остановился, попятился, навалился на Вержетту, и тут желание адмирала совпало с долгом. Прозеленевшая сволочь напирала, Вальдес ее не пускал, так не пускал, что белая рубаха стала красной, а выюга остановилась и не двигалась с места, пока залитого кровью Бешеного не оставили без бесноватых.

Начало казалось понятным, вернее, логичным, из одного вытекало другое, но что случилось потом? Очнувшийся Ротгер вертел головой, оглядывая дело рук своих, а буря... Буря и не подумала уняться, напротив, она ринулась вперед, сгоняя в одну кучу «зайцев» и тех, кто их сдерживал. На подступах к ничем не примечательному городишке бесчинствовал ветер, а где-то вовсю сияло весеннее солнце и топтал молодые травы табун, причем все это было чем-то единым, древним, безжалостным...

Снежные жеребцы казались страшной бурана, способного разве что задержать или сбить с пути полк-другой. Ураган на Мельниковом был куда внушительней, но на то, чтоб смахнуть с лица земли пару армий, как в древности смахивало города, его не хватило. Мало того, самый впечатляющий смерч удалось развернуть. Почти наверняка это сделал Валентин, хотя сам он ничего не помнит, вернее, помнит надвигающийся крутящийся ужас и обезумевшего

коня. Придду пришлось отвлечься на мориска, он его подчинил и увидел удаляющийся зеленый столб.

Зеленый? Арно помнит серое с черным, Ариго с Ойгеном ничего толком не разглядели, а у бергера еще и кровь носом пошла, но кровью займемся позже, сперва Валентин. Спрут – отличный наездник, пусть и похуже Малыша, а Соберано с Каном друг другу ровня, и оба выезжены на морисский лад. Кан слушался всадника до последнего, а братец тоже до последнего ждал и лишь потом положился на волю коня; задури жеребец, Арно бы его унял, но тот не дурил. В отличие от Соберано. Это – если Придд помнит то, что было на самом деле, а не часть прогулки по кошмару. Именно часть, незначительную и более всего напоминающую явь. Странные тропы, на которые порой заносит, уродуют память, но с каждым разом помнишь все больше. Вот что в самом деле удивляет, это воля и сила Валентина, сумевшего без подготовки и гальтарских масок прорваться в небытие, подчинить стихию и вернуться, разве что Повелитель по определению сильнее вассала. Нельзя забывать и о том, что на Мельниковом буянили вода и ветер, причем ветер начал первым, понять бы еще, кто умудрился его поднять или... призвать?

Вопросы громоздились один на другой, но оценить всю гору целиком Ли не успел, поскольку Салиган с котом не только проснулись, но и соизволили встать.

– Вот зачем? – свободный дукс сунул в открытую чернильницу палец. – Зачем ты не спишь? Теперь мы с Раймоном не можем тебя разбудить, а это обидно!

– Пожалуй, – Савиньяк отодвинулся, предоставив свободному дуксу возможность поставить здоровенную кляксу. – Ты прав, с ней лучше.

– Так и ты прав. – Раймон сгрузил своего зверя на стол, тот покрутился на одном месте и уселся на самом краю, свесив хвост. – Что мне передать зайчику?

– Что Вальдес его не забудет. Что мне передать Рокэ?

– Что я завещаю ему все благоприобретенное мной на службе дуксии движимое имущество, но мой нынешний домик отойдет Раймону... Давно хотел спросить, ты кого-нибудь уже травил или все шпагой да шпагой?

– Травил, – с чистой совестью признался не раз пускавший в ход нарианский лист Савиньяк. – Это несложно.

– Я так и думал, – дукс поставил еще одну кляксу и потянулся, – со мной что-то происходит, я начинаю испытывать бескорыстную тягу к армии. Еще немного, и я не смогу спокойно спать. В дуксии. Что в этой кружечке?

– Спроси Мишеля. – Лионель отхлебнул оставшейся с вечера горьковатой кислятины. – Ягоды шиповника точно есть... и еще что-то... Намекаешь на завтрак?

– Завтрак у тебя будет негодящий, – Салиган допил фульгатское варево и подsunул кружку коту, тот немедленно проверил, чихнул, вякнул и ретировался. – Я с вечера сложил все лучшее в мешочек, а в обмен оставляю тебе Дювье, я видел, он тебе понравился. Ты проводишь нас с Раймоном до порога? Коломана вон аж до тракта проводил!

– Гордись, тебя я провожу аж до Кольца. – Летом бы уже рассвело, но в Зимние Ветра солнце поднимается поздно, а низкие тучи накидывают ночи еще час, если не два. Самое время выезжать. – Мало того, я на прощанье у тебя кое-что попрошу.

– А я не дам. Для твоего же блага. Брать вредно, от этого можно сгинуть без следа, только дом в вепрях и останется.

2

Возглавляемый «фульгатами» кортеж неспешно вытек из Цитадели и двинулся через заснеженный городок. Утро выдалось морозным, и Старая Придда выглядела немногочисленной и очень чистенькой, любо-дорого смотреть. Печные дымки таяли, не добравшись до высокого

неба, заиндевелившие деревья на его фоне казались серебряным шитьем. Солнечный зимний холод нарядней лета, это оттепель все мажет серым...

– Арно, – окликнула мать, – ты уверен, что не влюблен?

– Вроде нет... А что?

– Выглядишь несколько мечтательней, чем обычно.

– А... Всё в порядке, просто красиво.

Мать не ответила, только сощурилась на принарядившуюся по случаю отъезда пятерку Раньера, но вряд ли ее занимали новенькие варазийские шапки.

– Не могу не согласиться с Арно, – Валентин счел уместным поддержать разговор. – Прекрасный вид и прекрасное утро. Я очень рад, что герцог Ноймаринен вчера не смог меня принять и отъезд пришлось перенести на день.

Герцог Ноймаринен не смог вчера, дамы Ноймаринен не смогут сегодня, ибо должны нанести супруге кардинала оговоренный визит. Без Леоны – марикьяре есть марикьяре, ее от клириков мутит, зато конной прогулке она всегда рада.

– О да, – Арно мутило от вранья, но деваться было некуда: если не воюешь и не сидишь у друзей, ты так или иначе врешь. – У господина Заразы с переносом аудиенций полный порядок.

– Как и со всем остальным, – уточнила мать. – Именно поэтому я в легком недоумении: «лиловый» эскорт выше всяких похвал, но вы взяли с собой еще и «фульгатов».

– Решение принимал Арно, но я счел его правильным. Ты можешь повторить свои доводы или это сделать мне?

– Могу, конечно. Без собственной свиты разъезжать несолидно, а мне за тебя отчитываться, если не перед Рокэ, то перед Бертрамом, да и Кроунеру посмотреть что-нибудь, кроме войны, не помешает.

– Думаешь, он найдет загадочную самоубийцу?

– Подвал поискать тоже стоит, – не стал отпираться виконт, возлагавший на маленького капрала немалые надежды. – Аналитически.

– Валентин, вы тоже так думаете?

– Я не разведчик, и я бы Эдиту не нашел.

– Так и я бы без Кроунера не нашел... Хотя бы академики жука не опознали!

– Если б я имел обыкновение заключать пари, – Придд коснулся шляпы, которой ничего не грозило, – я бы поставил на то, что подобных усачей из Торки еще не вывозили. Как и подобных девиц, ее высочество будет потрясена.

– Она-то будет, – виконт невольно тронул честно украшенный дареной лентой эфес, – но мне эта затея больше не нравится. После Кабаньего Лога в эту... патоку. Да тут от слова «лопать» в обморок попадают!

– И что с того? Арно, забыл тебе сказать, что ты оказываешь услугу не столько семейству Варнике, сколько Карлу Оллару. Возможно, большей услуги ему не оказывали и не окажут.

– Слышал бы тебя... – начал виконт и запнулся, представив остающиеся за спиной рожи и мальчонку, долдонящего взрослые слова. – Бедняга Карл!

– Не могу с тобой не согласиться, ведь я тоже получил хорошее воспитание.

– В отличие, дитя мое, от тебя, – подхватила мать. – Хорошее воспитание – это ужасно! Вечно приходится исхитряться, чтобы назвать вещи своими именами, не погрешив при этом против приличий. Вам не кажется, что мы слишком торопимся? Погода прекрасная, спешить особенно некуда, да и к новой лошади мне надо привыкнуть...

– Фрейлинам про время отъезда я проболтался, – как мог невинно сообщил виконт, – правда, чувствовал себя при этом полным... Дурзье.

– Сочувствую, но мне в самом деле нужно переговорить с Леоной.

– Сударыня, – деловым тоном осведомился Придд, – когда к нам присоединятся дамы, мы должны предоставить вам возможность для беседы исключительно с маркизой Ноймар или нужно оставить вас наедине с кем-нибудь еще?

– Я бы сказала пару слов вашей родственнице.

– Благодарю вас, я должен отдать соответствующее распоряжение эскорту.

– Нет, это я вас благодарю. – Мать придержала пока еще непривычную чалую мориску, пропуская галантно тряхнувшего гривой Соберано. Город почти кончился, но добротные дома нет-нет да и выбегали к змеящемуся среди елей тракту. Впереди звонила путевая церковь, то ли прощалась, то ли о чем-то предупреждала. Странно все-таки получается, вроде и правильно всё, а чувствуешь себя дезертиром. Из-за короля, что ли? Или из-за Иоланты с ее родственничками, а еще Гизелла... Ну и глупо же с ней вышло, ну что бы ей не подождать полгода... и не влюбиться в Берто?!

– Мама!

– Да, дитя мое?

– Ты маркизе Салина не напишешь про все... *это*? Я бы и сам написал, но как-то глупо будет, а Валентина Берто слушать не станет.

– Бланке я уже написала, – мать тоже вслушивалась в чистый холодный звон, – но ты меня радуешь.

– А ты меня нет. – Арно поправил все еще живую, если так можно сказать о головном уборе, шляпу. – Прошлый раз вы уединились с Леоной, а мне Гизелла всю душу вымотала.

– Тебе ее совсем не жаль?

– Даже не знаю... Тогда вроде было, но удрать хотелось больше, а сейчас... Лучше бы она дома осталась!

– Тогда никуда не денешься, ты все же слегка влюблен. Если это не пройдет, я ничего против иметь не буду, могло быть гораздо хуже. Нет, я не про Гизеллу.

3

Графа Укбана Лионель сразу и знал, и нет, так бывает: при встрече не ошибешься с именем, вспомнишь и должность, и родню, и даже манеру держать бокал, но что творится в голове пьющего из этого бокала, останется тайной. Конечно, пожелай Савиньяк в свое время разобратся, что за фрукт сперва вице-геренций, а затем – губернатор Западной Придды, он бы разобрался, но необходимости в изучении сей довольно-таки банальной персоны не возникало. Губернаторы, державшие нос по ветру и при этом не делавшие высоких ставок, редкостью не являлись: Сильвестр предпочитал именно таких, и свой резон в этом был. Когда у Талига имелась голова или то, что большинству казалось таковой. Лионель махнул рукой, приказывая конвою остановиться, и бросил изловившему Укбана Бертольд:

– Подробнее.

– И покрасочней, – потребовал придерживавший бугрящуюся куртку Салиган. – У меня впереди так много серенького.

Увы, ничего захватывающего в поимке перебежавшего к зайцу хомяка не было. Драгуны в поисках дезертиров завернули в Дарвиль, и один добрый горожанин донес на соседа, как на укрывателя. Пошли проверять и обнаружили в погребке целого губернатора, да не просто так, а с вполне приличным приданым. Сопротивления Укбан не оказал, напротив, уяснив, что перед ним люди Савиньяка, принялся настаивать на личной встрече с, как ему думалось, Эмилем. Бертольд решил добычу на сей счет не просвещать, оставив сие начальству. То, что Савиньяку придет в голову провожать Салигана, капитан не знал, встреча среди заснеженных полей вышла случайной, но отправлять драгуна с его трофеем к Стоунволлу Ли не стал.

– Хорошо, – распорядился он, – давайте его превосходительство сюда.

Недавние тревобления на Укбане не сказались: выглядел граф недурно, с драгунским мерином управлялся будто с кровным линарцем, а лакейские плащ и шляпа шли ему несказанно, о чем Ли и сообщил.

– Вынужденная мера, – господин губернатор с деланой непринужденностью рассмеялся. – Но, Леворукий побери, Эмиль, как же я рад встрече с вами! Собственно, вас я и искал.

– В погреб с ветчиной? – слегка удивился Лионель. – Странное же у вас обо мне сложилось мнение.

– Вы всё так же остроумны, – Укбан улыбнулся, как улыбаются при дворе. – А я ведь теперь должник, ваш и ваших молодцов. Сейчас я, к несчастью, не при деньгах, но оказанных услуг, как вы помните, не забываю.

– Не помню. Вы решили расстаться с Залем?

– Я не расстался, – граф доверительно понизил голос, – я, едва представилась такая возможность, бежал. От губернаторов Западной Придды никогда не требовалось мужества, будь иначе, я бы этот пост никогда не получил. Заль меня запугал, отобрал печать и возил с собой, лишив даже камердинера. Кстати, у этого негодяя цирюльник, и то отвратительный...

Здесь требовалось посочувствовать и рассмеяться, но Ли не сделал ни того, ни другого, лишь погладил прижавшую уши Проныру. Пришлось рассказчику смеяться самому.

– Вы не поверите, – отсмеявшись, Укбан решил вздохнуть, – какие способы бегства я успел изобрести за эти гадкие месяцы, а вышло все до неприличия просто. Стерегишие меня подлецы устроили драку, и я просто ушел. Мне посчастливилось встретить сперва доброго человека, а затем ваших драгун.

– Доброму человеку вы что-то обещали?

– Обещал и исполню. Это долг чести.

– Какое странное слово, – доселе молчавший Салиган откинул капюшон. – Я имею в виду – в ваших устах.

– Маркиз? – слегка растерялся Укбан. – Вы?

– Не маркиз, а дукс, – с достоинством поправил Раймон. – К тому же свободный. Расстрелял бы ты его, а то потом не отмыться будет.

– Ваши вечные шуточки... – делано хохотнул заячий пособник. – Надеюсь, наш маршал не примет их всерьез.

– Дуксы не шутят! – Жан-Поль убрал руку с груди, позволяя коту высунуть нос. Нос незамедлительно высунулся. – Порой можно оставить в живых парочку-другую бандитов, но никак не губернаторов, у которых отбирают печати, оставляя булавки. Уверяю тебя, это очень хороший рубин, я его помню.

– Конечно, – огрызнулся Укбан. – Вы же вор и лжесвидетель!

– Не только. Я многогранен, а вас надо расстрелять.

– Удивительно неприятная шутка, – бывший губернатор, скрывая злополучную булавку, запахнул плащ. – Маршал, я не собираюсь вступать в спор с этим...

– Тем лучше. – Укбан не бесноватый, но обнаглеть успел. – Вы подписывали приказы вместе с Залем?

– Один или два раза... Поймите, у него в любом случае была моя печать, к тому же в первые дни я не сомневался в его правдивости, а вторжение адмирала Вальдеса в мирную процветающую провинцию выглядело, мягко говоря, спорным. Потом я начал подозревать, что Заль не просто злоупотребляет своими полномочиями, но не имеет их вовсе, но что я мог ему противопоставить?

– Конечно, ведь у вас не было даже камердинера.

– Врет, – припечатал Салиган, явно не предполагавший в отношении бывшего губернатора Западной Придды ничего хорошего. – Эти сапоги чистили не позднее чем прошлым вече-

ром, и вычистили просто отлично: вакса с игристым, столичные штучки. Ли, когда ты его расстреляешь, отдай сапожки кому-нибудь симпатичному.

– Создатель! – Укбан подался вперед и, видимо, задел шпорой мерина, на которого его посадили. Мерин взбрыкнул задом, но в седле граф усидел. – Лионель?! Собственной персоной, но мы... Я не сомневался, что против Заля ваш брат. Ваше неповторимое сходство...

– Помолчите! – Савиньяк махнул рукой, подзывая драгун. – Бертольд, когда доберетесь до квартиры, обеспечьте господину Укбану те же условия, что в Дарвиле.

Укбан понес какую-то чушь, но Ли уже не слушал, и бывшего во всех смыслах губернатора уволокли вместе с меринком, рубином и недоумением.

– Я ведь тебе говорил, – напомнил о себе Салиган, – что блох из Шарли надо вычесывать, не дожидаясь наследника? А то разбегутся.

– Не говорил, но ты прав.

– С блохами или с расстрелянием?

– И с тем, и с другим.

Расстрелять красавца в самом деле было бы неплохо, но Рокэ нужно пугать воспрянувших ызаргов, а Укбан будет просто отменно выглядеть на эшафоте. Хуже, что по провинциям отсиделась уйма дряни, не успевшей ни сбеситься, ни предать, ни продаться. Сейчас вся эта сволочь бросится пробиваться наверх, не забывая трясти своей верноподданностью. Написать, что ли, матери? Пусть сочинит про хромых ызаргов, опоздавших к дохлятине и объявивших себя на этом основании волкодавами.

– Не грусти, – внезапно потребовал дукс, поправляя запрещенную в свободной Данарии перевязь со шпагой, – ты еще молод, и у тебя все впереди, в том числе и кот. Прощай, дальше я еду один. Будь счастлив и помяни меня в своих молитвах или поручи кому-нибудь. Дювье, например, тот точно молится.

– А Джанис разве нет?

– Ты его раскусил, ты прекрасен! Пожалуй, я завещаю тебе гайифское бюро, оно сейчас в нашей с Рокэ домовая церковь, но если я уцелею, вы оба не получите ничего, кроме счастья.

Смотреть в спину уходящим всегда невесело, но Ли следил за удаляющимся всадником, пока тот не скрылся в серо-зеленом распадке. Чуждая сантиментов Проныра извернулась и прихватила замечтавшегося всадника за сапог, она не желала топтаться на месте. Она была права, как сам Кабиох.

4

Желающие проводить графиню Савиньяк присоединились к кортежу у переезда через речку, столь заснеженную, что вспомнить о ее существовании мог только Валентин. Опекающую дев маркизу сопровождали Валме с собакой и Рафле, встреча вышла бурной и при этом милой, но потом мать заговорила с Леонией о переводах с кэналлийского, а Придд ухватил разжившуюся недурной лошадкой Иоланту. Гизеллы не было, и повеселевший Арно решил присоединиться к Валме, но тут компанию догнала приотставшая Айрис Хейл. Вежливость требовала предложить свою помощь, и виконт предложил.

– Что-то с Моной? – участливо спросил он.

– Скорее со мной, – засмеялась девушка. – Я становлюсь ужасно хитрой, мне не хотелось теряться в общей куче, и я не потерялась. Отстанем?

– Почему нет? – не удержался от улыбки Арно. – Мать о кэналлийских песнях может говорить долго.

– А Валме может говорить вообще обо всем... Вы думаете, я влюблена?

– Упаси Леворукий, – фыркнул виконт. – То есть... Первыми должны влюбляться мужчины.

– И вы не влюблены?

– Ну...

– Вы сами не знаете. Я тоже. Мне хочется вас видеть и с вами болтать, мы могли бы отлично проехаться, если б было лето и не было этого... придворного хвоста, но я без вас не зачехну, а вы не станете прижимать к сердцу мою ленточку.

– У меня ее нет!

– А я и не дам!

– Не беда, я могу прижимать любую ленточку и все равно думать.

– Обо мне?

– Иногда.

– А иногда о Гизелле, Марии, Иоланте и жуке!

– Еще о девицах Варнике... Зря я это затеял, им в их Кабаньем Логе веселее.

– Ничего, тут тоже жить можно. Мы скоро обнюхаемся. Как лошадки на новой конюшне, да и весна начнется, а на лето двор всегда куда-то выезжает...

– До лета четыре раза сбесишься... Тьфу ты, я же должен быть куртуазен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.